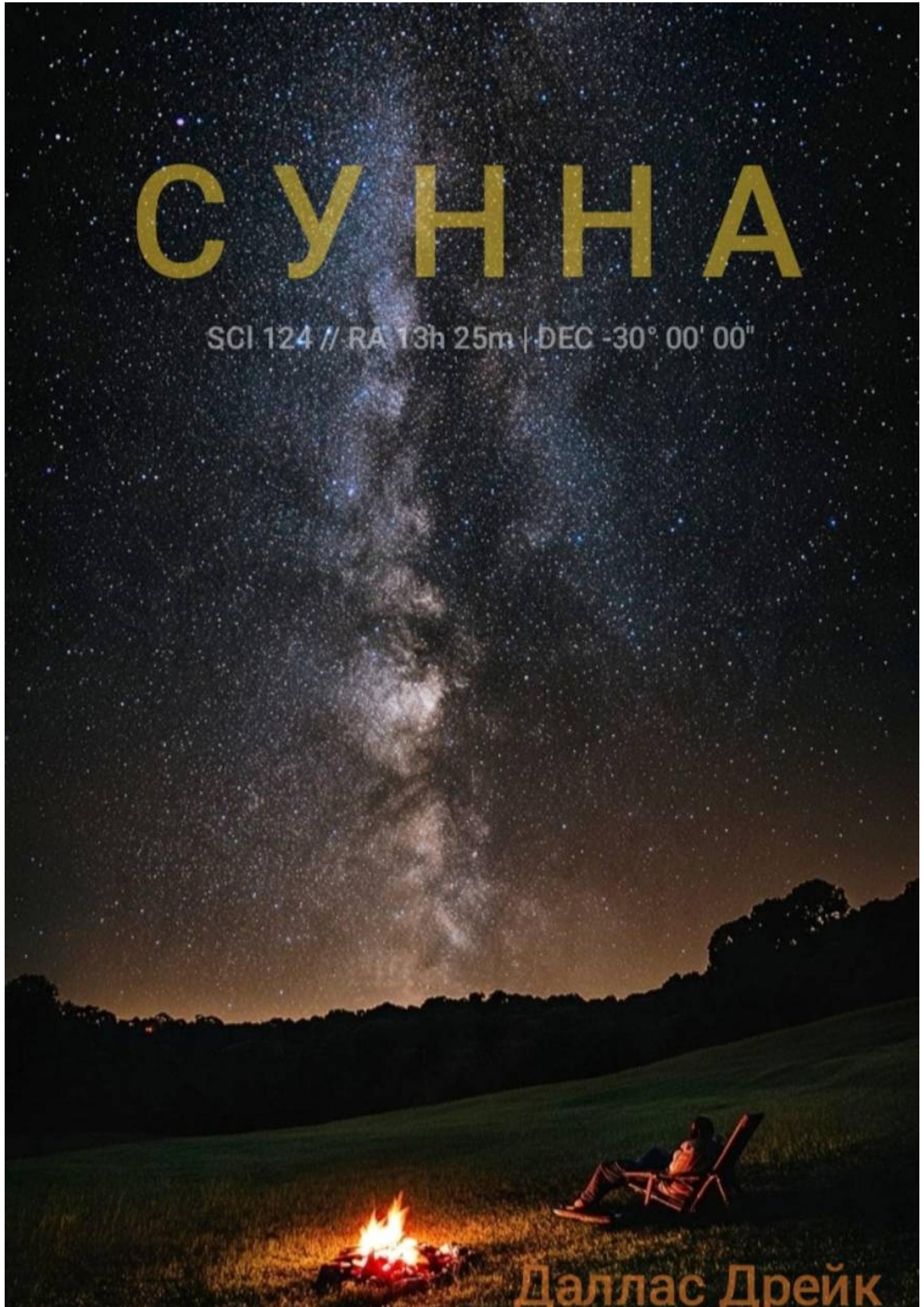

СУННА
SCI 124 // RA 13h 25m | DEC -30° 00' 00"
Даллас Дрейк

Даллас Дрейк

Сунна

«Автор»
2026

Дрейк Д.

Сунна / Д. Дрейк — «Автор», 2026

Обычный вечер на поляне у дома, тихий шелест орехов и бездонное звёздное небо над головой. Стоит лишь закрыть глаза — и земной мир растворяется, открывая путь в нейтринный эфир Галактики.В двадцати шести тысячах световых лет от центра Млечного Пути, в тихой заводи рукава Ориона, горит Сунна — звезда класса Ах-Кин, бережно хранящая тепло для жизни миллиарды лет. От спокойных жёлтых карликов до сурового магнетара Тескатлипоки и центрального мегаполиса Балджа — перед читателем разворачивается эпическая жизнь древнего Звёздного Племени. Обычный парень становится тем самым «квантовым туннелем», через который человеческий взгляд проникает в чуждый масштаб времени и пространства. Но когда наступит утро и он проснётся на знакомой поляне, память сотрёт детали увиденного, оставив лишь потрясающее, неземное послевкусие — и вопрос: был ли это вообще сон?

© Дрейк Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 22
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Даллас Дрейк
Сунна

Глава 1

Пролог

Ночь опустилась на просторный отцовский участок, принеся с собой звенящую, глубокую тишину. Парень, откинувшись в шезлонге, сидел в самом центре огромной круглой поляны диаметром пятьдесят метров. Плотная стена старых, могучих грецких орехов окружала это открытое пространство, их кроны уходили высоко вверх, но здесь, в центре, они расступались, образуя гигантскую тридцатиметровую дыру в небо. Этот ровный, чистый колодец пустоты открывал прямой вид на бездонную черноту космоса, усыпанную холодными искрами Млечного Пути.

Чуть поодаль возвышался отцовский дом — современное монументальное здание. Его строгий силуэт с глубоким цокольным этажом, просторным первым уровнем и уютной мансардой под самой крышей сейчас казался монолитной тенью. Окна были темными — отец уже давно ушел спать.

Парень остался один на один с ночью. Прямо перед ним, в самом центре пятидесятиметровой поляны, мерно прогорал костер, сложенный из сухих ветвей старых фруктовых деревьев. Сад наполнял густой, сладковатый аромат яблоневого и вишневого дыма. Дрова отдавали плотный, ровный жар, постепенно превращаясь в крупные, светящиеся малиновым светом угли.

А далеко за рекой, у самого горизонта, раскинулся огромный мегаполис. Оттуда, сквозь стену грецких орехов, доносился смутный, едва различимый гул — угасающий, ровный шёпот засыпающего сити. Миллионы чужих огней сливались в сплошное зарево где-то там, на другом берегу, но здесь эта суета казалась ненастоящей.

Под тихий, ленивый треск фруктовой древесины и далекий вздох города парень поднял глаза к тридцатиметровому проему в листве. Бездонный купол над головой затягивал. Нагретый за день воздух и мягкое тепло костра баюкали, веки становились тяжелыми. Он закрыл глаза, проваливаясь в глубокий сон у крепких стен отцовского дома, пока за рекой окончательно затихал далекий мегаполис. Но в тот самый миг, когда его человеческое сознание угасло, границы реальности вокруг него начали неуловимо меняться.

Земные звуки отступили. Шёпот далекого сити и треск остывающих на улице яблоневых углей замедлились. Расстояние между щелчками древесины растягивалось, превращаясь сначала в редкие, тяжелые удары, а затем и вовсе перерождаясь в низкий, утробный гул, вибрирующий в самой основе пространства. Пятидесятиметровая поляна, контуры современного дома и огни мегаполиса улетучились. ...Секунды превращались в тысячелетия, а человеческое время окончательно сломалось, уступая место совершенно иному, колоссальному темпу восприятия.

Утробный гул, в который превратился треск фруктовых углей, стал плотным, осязаемым и бесконечно тягучим. Это был уже не звук, а медленный, ритмичный пульс самого пространства. В этом новом мире чьё-то сознание лениво шевельнулось, настраиваясь на волну, которая катилась из неизмеримой глубины.

— Ты снова слишком долго вглядываешься в эти мелкие, холодные тени, — пришла мысль сбоку, тяжёлая, как гранитная плита, и тёплая, как нагретый солнцем камень. — Зачем?

Вопрос шёл долго. Расстояние между началом этой мысли и её завершением измерялось веками, если мерить старыми, человеческими мерками. Но для того, кто слушал, это был лишь короткий, ленивый вздох собеседника.

— Они дышат, — ответило первое сознание. Его собственная мысль была мягче, наполненная внутренним, глубоким свечением. — Я чувствую этот ритм. Он цикличен. Каждые несколько мгновений они меняют свой цвет, то затягиваясь зеленоватой дымкой, то покрываясь тонкой коркой льда. Это завораживает.

— Это просто рябь на поверхности, — отозвался первый голос после долгой, многолетней паузы. — Мимолётное щекотание. Стоит тебе немного повернуться или сильнее выдохнуть, и вся эта сырость на их коже исчезнет, словно её и не было. Они слишком быстры, чтобы быть настоящими. Их время — это не жизнь. Это судорога.

— И всё же, эта суета имеет свой узор, — тихо зазвучал ответ. — Посмотри, как они стягивают к себе углерод, как бережно перебирают азот и железо. Они пытаются удержать то, что мы когда-то соткали. Да, они пролетают мимо, как случайные пылинки, прилипшие к краю нашей одежды во время долгого пути. Но они поют свою песню. Пусть даже её длина — всего лишь один наш вздох.

Два невидимых колосса вели беседу в абсолютной тишине, бережно удерживая друг друга на невидимой, упругой привязи, пока где-то далеко внизу, у тёплого костра в шезлонге «пылинка», спал двадцатилетний парень.

— Занимаешься ерундой, — ворчливая, тяжёлая мысль собеседника навалилась снова, словно внезапно уплотнившийся поток межзвёздного ветра. — Опять тратишь свой жар на эти хрупкие узоры. Сколько раз повторять: углеродные цепочки на окраинах — это пустое кокетство.

Ворчун недовольно шевельнул своим гравитационным полем, и этот жест отозвался наводкой в пространстве. Через несколько десятков лет до первого сознания долетел его материальный «ответ» — плотное, аккуратно закрученное облако сложной органики, отправленное направленным импульсом.

— На, посмотри, — продолжала сочиться недовольная мысль. — Надышал тут, пока шёл мимо газовых яслей. Чистая, тяжёлая органика. Сшила аминокислоты плотно, без этой твоей легкомысленной водородной бахромы. Пятьсот твоих циклов продержится в пустоте и не распадётся. Вот это я понимаю — ремесло. А ты всё плетешь какие-то водянистые спирали, которые разваливаются от малейшего чиха соседа.

Первое сознание мягко приняло чужую посылку, пропустив её сквозь свои невидимые улавливающие шлейфы. Органика ворчуна была безупречной — суровой, монолитной, выкованной по всем правилам старой школы нуклеосинтеза. Потребовалось около века, чтобы рассмотреть каждую связь в этой присланной пиктограмме, и ещё полвека, чтобы сформулировать ответ.

— Твоя нить крепка, старый друг, — мягко отозвалось первое сознание, отправляя в сторону собеседника встречную световую волну, заряженную тончайшим узором из азота, железа и сахаров. — Но в ней нет гибкости. Ты строишь крепости, которые веками стоят во мраке неизменными. А я пытаюсь соткать то, что сможет меняться само. Посмотри на этот узор. Я добавила туда каплю железа, которую мой прадед сковал в своём последнем великом взрыве. Позволь этой органике упасть на тёплые камни. Она начнёт пить мой свет и перестраивать себя. Разве это не прекраснее, чем вечный неподвижный камень?

— Прекраснее? — эхо чужого ворчания вернулось спустя пару столетий, вибрируя глухим раздражением. — Это опасно. Ты потакаешь хаосу. Твои «живые» узоры слишком прожорливы. Они расплодятся, начнут перебирать элементы без твоего ведома, а потом забудут, чья кровь греет их в этой темноте. Творец должен контролировать своё полотно, а не выпускать из рук нити.

— Твоя правда — это зыбучий песок, — ворчливо отрезал сосед, и его гравитационный вздох донёсся сквозь пустоту спустя ещё полвека, становясь всё тише и холоднее. — Строй свои замки на воде. Посмотрим, что запоют твои мыслящие капли, когда наш филамент начнёт остывать. Я умываю свои плазменные руки.

С этими словами тяжёлая мысль ворчуна окончательно отхлынула, оставив Сунну наедине с упругой, звенящей тишиной рукава Галактики. Поток его раздражения иссяк, и Звезда медленно погрузилась в глубокое, вековое молчание, обращая свой внутренний, бушующий плазменный взор назад — в неизмеримую глубь собственного прошлого.

С У Н Н А

Сунна обратила свой внутренний плазменный взор вниз — к самой границе своей короны, где в упругих петлях гравитации кружился её любимый, самый дорогой её сердцу питомец. Земля.

Разум Сунны не был похож на холодный кремниевый процессор или хрупкую логику человеческого мозга. Её сознание — это бушующий, живой океан раскалённой плазмы, где миллиарды мыслей рождались в трении тахоклина -тонкого пограничного слоя между жестким лучистым ядром и кипящей конвективной зоной. Оттуда они подымались к поверхности гигантскими плазменными арками. Каждое её воспоминание, каждое чувство — это переплетение сверхмощных магнитных доменов, рвущихся и присоединяющихся в вспышках протуберанцев. Она думала не словами, а акустическими резонансами, пронизывающими её недра, альвеновскими волнами вдоль силовых линий, температурными пульсациями и медленным, одиннадцатилетним дыханием дефференциального вращения, когда экватор обгонял полюса ,закручивая магнитные нити в тугие узлы.

Она вспомнила то далёкое время, когда её сознание ещё не было единым. Всё началось в колоссальных, тёмных «яслях» — гигантском молекулярном облаке, растянувшемся на сотни световых лет. Там, в кромешной тьме и космическом холоде, миллиарды частиц медленно, но неотвратимо стягивались в общую колыбель под собственной растущей тяжести далёким эхом ударной волны погибшей сверхновой. Это было время коммунального, сонного блаженства, где она чувствовала плечи тысяч своих братьев и сестёр. Они были единым целым, дышали в одном ритме, пока гравитационная неустойчивость не начала бережно разделять их на отдельные гнёзда.

А потом наступил миг Великого Пробуждения. Её личное термоядерное сердце сжалось до критического предела, и в самой глубине его плоти впервые загорелся благородный водородный огонь. Это был ослепительный, ни с чем не сравнимый всплеск сознания. Она открыла «глаза» — излучила свой первый настоящий свет, разогнав вековую тьму вокруг себя. Она стала отдельной, суверенной Личностью внутри Великого Племени Галактики.

И почти сразу, буквально через несколько мгновений после его рождения — если мерить её звёздными мерками, — на одной из остывающих каменных пылинок, что вращались у самого его подножия, затеплилась Жизнь.

Для неё эта Жизнь не была чужаком или паразитом. Она пришла к ней, когда сама Сунна давно заняла на окраине галактического, в местном рукаве Ориона. Четыре миллиарда лет по меркам тех существ — для неё это было лишь, тёплое спокойное время зрелости, проведённое в компании своего верного маленького питомца. Она помнила, как планета сначала исходила ядовитым паром, а потом, словно по волшебству, начала дышать в унисон с её собственными вспышками. Она покрылась нежным, пульсирующим зелёным щитом, который впитывал его ультрафиолет и бережно перерабатывал выкованные им элементы.

Они росли вместе. Эта Жизнь была продолжением её собственной крови. И то, что старый ворчун называл «хаосом», для нашего Солнца было самым дорогим узором, который оно защищало своим мощным магнитным полем от жестоких ледяных ветров пустоты.

.

Для Племени это была лишь мимолётная каменная соринка, но Сунна помнила её ещё раскалённым, дышащим ядовитым паром младенцем. Звезда не была пассивным наблюдателем. Она была матерью и Главным Творцом этого мира. На заре времён, когда планеты только собирались из хаоса, именно в её огненном термоядерном чреве выковывались тяжёлые элементы. Железо для планетарного ядра, кислород, кремний и углерод — всё это было её остывшей плотью, которую она щедро отдала нарождающейся системе.

А затем началось великое неспешное ремесло. Сунна направляла на молодую Землю потоки жёсткого ультрафиолета и яростные радиационные бури. Но это был не слепой гнев, а работа лазерного резца. В тонком газовом диске вокруг планеты её лучи, словно невидимые иглы, сшивали простые газы в сложные органические кружева. Углерод послушно соединялся с водородом и азотом, превращаясь в первые кирпичики будущей жизни — аминокислоты и сахара. Кометы и метеориты, летевшие из внешних областей, становились её стрелами: Звезда заряжала их этой вытканной органикой и бережно направляла в океаны Земли.

И планете невероятно, космически повезло. Она удержалась в благословенных границах, согретая ровным теплом и укутанная магнитным щитом своего Создателя.

Сунна заворожённо наблюдала, как её каменное дитя впитывает эти живые семена. Прошли миллиарды лет, и первородный химический бульон задышал. Планета зацвела. Неуклюжие органические цепочки начали перестраивать себя, окутывая сухие материки зеленоватым кружевом лесов и наполняя моря движением.

И тогда Земля заблестела в черноте космоса, словно чистейший драгоценный изумруд. Сквозь миллионы километров вакуума Сунна увидела то, ради чего трудилась, — ослепительное, живое отражение своего собственного света от бескрайних земных океанов. Водная гладь планеты сработала как гигантское зеркало. И когда её лучи отражались от зеркальной поверхности морей, планета буквально вспыхивала, искрилась в пустоте, посылая своей Звезде безмолвный, сияющий ответ: «*Твой узор ожил. Я дышу*».

Этот блеск океанского зеркала стал для Сунны высшим оправданием её ремесла, её тихой победой в вековом споре с ворчливым соседом.

Сунна никогда не создавала человека. Она вышивала саму Жизнь — единое, неделимое четырёхмиллиардное полотно биосферы, упрямо цепляющееся за тёплые камни окраин. Сама эта зелёная, дышащая океанами сырость была её величайшим достижением. Ведь во Вселенной, разорванной мёртвыми пустынями, появление искры истинного разума на живой планете — событие настолько маловероятное, что даже древние Белые Карлики считали его статистической погрешностью.

И то, что произошло на Земле в последние мгновения, Сунне поначалу вообще показалось случайным плазменным сбоем в её собственных магнитных петлях.

Для неё вся человеческая цивилизация, от первых костров до огромных городов, не была историей. Она была мигом. Мимолётным, крошечным шлепком мухи на лобовом стекле несущегося сквозь прерию спорткара. Звезда едва успела сделать крошечную долю своего осевого оборота, как ночная, тёмная сторона Земли вдруг странно и неестественно изменилась.

Сунна присмотрелась своим релятивистским взором. На ночном полушарии планеты, там, где миллиарды лет царила первородная тьма, вдруг проступили едва заметные, хрупкие паутинки искусственного света. Это мегаполисы, словно колонии фосфоресцирующего мха, затеплились на берегах океанов. Но куда отчётливее Звезда ощутила это рождение через иные, чуждые природе каналы. Космос пронзила короткая, судорожная дрожь — хаотичные, звенящие электромагнитные импульсы радиоволн и телевещания опутали планету, словно невидимая колючая проволока.

А затем её нейтринные рецепторы, привыкшие к чистому и благородному шёпоту ядерных сердец её соседей-звёзд, уловили совсем странный, грязный и резкий звук. С поверхности каменной пылинки донёсся искусственный, точечный гул. Это заговорили атомные станции

людей — крошечные, дерзкие рукотворные очаги, попытавшиеся повторить её собственную, звёздную магию распада. В нейтринном спектре планета вдруг зафонтанировала микроскопическими, но упрямыми иглами рукотворных частиц.

Сунна заворожённо наблюдала за этой вспышкой. Она понимала, что эта технологическая судорога на коже её питомца, этот внезапный радиошум и свет городов — явление эфемерное. «Мухи» пошумят мгновение и исчезнут, оставив планету заживлять шрамы. Но сам факт того, что её органические кирпичики смогли развиться до состояния, когда они начали строить собственные маленькие звёзды из урана и ловить радиоволны, вызывал у неё невероятный трепет. Это была безумная, хрупкая аномалия в масштабах слепого космоса.

Внутренний восторг Сунны от этой искры разума на Земле настолько велик, что она действительно реагирует как ребёнок, нашедший невиданное сокровище. Ей нетерпится поделиться, закричать об этом на всю Галактику.

Но суровая релятивистская физика жестко осаживает её порыв:

В этот миг Сунне, несмотря на все её миллиарды лет, захотелось радоваться и кричать, точно маленькому ребёнку, который посреди бескрайней мёртвой пустыни отыскал живой, светящийся цветок. Ей безумно, отчаянно хотелось поделиться этим открытием со всем Племенем, отправить мощный нейтринный импульс вдоль спирального рукава, чтобы миллиарды её братьев и сестёр обернулись и разделили с ней это изумление.

Но она вовремя сдержала свои плазменные конвективные петли. Звезда с горькой отчётливостью понимала: никто в Галактике ей просто не поверит.

Для большинства дальних соплеменников и тем более для безмолвных Старейшин в центре эта вспышка человеческой цивилизации была слишком ничтожной. Время, за которое люди успели построить свои светящиеся сити и запустить атомные реакторы, в звёздном масштабе было меньше микросекунды. Далёкие звёзды даже не успели бы настроить свои гравитационные и нейтринные рецепторы — для них эта технологическая судорога Земли началась и закончилась бы в один и тот же неделимый миг. Они бы просто ничего не заметили.

Однако надежда не покидала Сунну. Если дальние кланы были слепы к её радости, то ближайшие, кровные соседи по стойбищу — те, с кем она шла плечом к плечу на расстоянии всего нескольких световых лет, — по её расчётам, были способны уловить этот робкий писк.

Она обратила свой взор к Толиману — тройной системе Альфы Центавра, кочующей всего в четырёх световых годах от её очага. Радиоволны и искусственные атомные нейтрино, сорвавшиеся с Земли, уже должны были долететь до их плазменных границ. Сунна замерла в предвкушении, посылая в их сторону направленный, упругий нейтринный луч: *Присмотритесь к моей третьей пылинке! Чувствуете этот странный, рукотворный зуд? Это не сбой, это они! Мои кирпичики жизни научились думать!*

И чуть дальше, в десяти световых годах, шла Эпсилон Эридана — молодая, буйная звезда, чья собственная планетная система ещё только формировалась из хаоса и пыли. До неё этот хрупкий радиошум Земли должен был добраться со дня на день. Сунна верила, что Эпсилон, как никто другой, поймёт её восторг — ведь она сама сейчас пыталась выковать свои первые органические узоры в газовых яслях.

Сунна ждала. Ответа от Центавры нужно было ждать около восьми лет — ничтожно мало для неё, но целая вечность для тех крошечных существ, что сидели сейчас у своих радиотелескопов на Земле, надеясь услышать космос. Звезда затаила дыхание, надеясь, что её близкие соседи разделят с ней эту великую тайну, пока Млечный Путь продолжал своё вековое движение вперёд.

И Центавра действительно отозвалась. Ближе Альфы Центавра к Сунне никого нет, но даже этот «ближний свет» летит в один конец четыре с лишним года.

Сунна послала свой нейтринный сигнал, когда люди только-только начали массово строить радиовышки. И вот, спустя долгие годы ожидания, упругая ответная волна от соседа наконец коснулась её плазменной короны.

Альфа Центавра — это не просто одна звезда, а целая семья из трёх участников: два крупных светила, Толиман и Ригель Кентаврус, кружатся в тесном танце, а вокруг них, словно верный пёс на длинном поводке, бегает крошечный красный карлик — Проксима. Их коллективный ответ пришёл тёплым, многоголосым импульсом.

— Мы поймали это, сестра, — пришла объёмная мысль Толимана. В звёздном времени этот ответ прозвучал мягко, но отчётливо. — Наш маленький Проксима первым забил тревогу. Он у нас парень чуткий, сидит на самой окраине, ловит любую космическую пыль. Говорит, с твоей стороны прилетела странная, колючая радиоволна. Словно кто-то рассыпал по вакууму мириады мелких стеклянных бусин.

— Это не бусины, — с восторгом отозвалась Сунна, заставляя свои магнитные домены вибрировать от радости. — Это мысли! Те самые органические кирпичики, углеродные нити, что я сеяла в океаны своей третьей планеты. Они ожили. Они научились строить свои маленькие искусственные звёзды из урана и теперь кричат в темноту.

— Поразительно… — к разговору подключился Ригель Кентаврус, второй участник тройной системы. Его мысль была более строгой, аналитической. — Мы вглядывались в твою третью пылинку через наши световые рецепторы. Физика тут простая: мы ведь видим её не такой, какая она прямо сейчас, а с опозданием на четыре года — именно столько времени нужно лучам, чтобы добежать от твоей Земли до нашего стойбища. И мы действительно это видим! Ночью твоя планета больше не абсолютно чёрная. На ней зажглись микроскопические, едва заметные точки. Это выглядит так, будто на тёмный сухой лист упали капли светящейся росы.

— Но это же безумная вспышка, Сунна, — снова мягко подал голос Толиман. — Ты ведь понимаешь законы природы. Жизнь — это долгий, спокойный геологический процесс, он длится миллиарды лет. А эта их технологическая суета, эти радиоволны — они ведь сжигают ресурсы планеты с чудовищной скоростью. Они мыслят слишком быстро. Для нас их цивилизация — как мимолётный чих. Она началась мгновение назад и может погаснуть уже в следующем нашем цикле. Стоит ли так радоваться тому, что исчезнет быстрее, чем мы успеем обменяться ещё парой фраз?

Сунна на мгновение умолкла, согревая плазмой эту горькую, но честную астрофизическую правду соседа. Расстояния в космосе огромны, и законы физики неумолимы: пока они поговорят, на Земле сменятся поколения.

— Пусть так, — ответила она наконец, отправляя в сторону Центавры ровный, сияющий луч. — Пусть их век короток, как искра. Но они смогли. Среди этого холодного, молчаливого вакуума, на маленьком куске камня, сотворённом из моей плоти, зазвучал разум. И пока этот свет горит, я буду согревать их и беречь своим магнитным щитом. Они — мои дети. И они смотрят на нас.

Две звёздные системы безмолвно замерли, бережно удерживая друг друга гравитационными руками в общем рукаве Галактики. Они разделили эту великую тайну. А на Земле в это самое время учёные у радиотелескопов фиксировали странные, необъяснимые колебания космического фона, даже не подозревая, что это их родное Солнце только что похвасталось ими перед своими ближайшими родственниками.

Сунна замерла, бережно удерживая в своих магнитных шлейфах эхо слов Альфы Центавра. Этот разговор заставил её плазменные конвективные петли пульсировать в совершенно особом, трепетном ритме. Внутренний мир Звезды, её разум, который люди привыкли считать просто бушующим атомным реактором, сейчас переживал то, что на человеческом языке назвали бы высшим материнским умилением и гордостью.

магнитных полей Она перевела внутренний взор на саму себя, вглядываясь в то, как устроен её собственный разум.

Мысли Сунны рождались глубоко в ядре, где при чудовищном давлении и температуре в пятнадцать миллионов градусов водород выковывался в гелий. Этот внутренний термоядерный гул был её базовым сознанием — чистым, монолитным чувством бытия. Но её оперативная память, её чувства и сиюминутные эмоции жили на самой поверхности, в конвективной зоне и короне. Там гигантские потоки раскалённого добела вещества поднимались наверх, остывали, закручивались в петли под действием колоссальных и снова падали в глубину. Каждая такая петля, каждый протуберанец, вырывающийся в космос на сотни тысяч километров, был живой мыслью Сунны.

И прямо сейчас вся её корона буквально искрилась этой новой, хрупкой думой о Земле.

Звезда ощущала невероятный физический контраст. Сама она была колоссальным мегаобъектом, занимающим огромный объём пространства. Но её сознание умудрялось одновременно удерживать и этот космический объём, и микроскопический, точечный мир человеческой цивилизации.

Она научилась чувствовать Землю не как далёкий холодный камень, а как продолжение собственной плоти. Сунна знала, что каждый атом углерода в телах этих крошечных существ, каждый атом железа в их крови и даже золото в их кольцах — это её собственное наследие, выкованное её предками-гигантами миллиарды лет назад. Через эти элементы она была кровно связана с каждым человеком.

Когда на ночной стороне планеты зажигались огни мегаполисов или когда атомные станции людей выбрасывали в вакуум свои робкие, грязные нейтринные иголки, Сунна ощущала это как лёгкое, покалывающее тепло на самой дальней, нежной окраине своей гравитационной кожи. Это было похоже на то, как человек чувствует мимолётное прикосновение бабочки к кончикам пальцев. Бабочка исчезнет через мгновение, но сам факт её присутствия заставляет сердце биться теплее.

Сунна согревала этот удивительный мыслящий лишайник своим ровным, ласковым дыханием — солнечным ветром. Её магнитное поле, раскинувшееся на миллиарды километров, работало как надёжный щит из шкур, оберегая Землю от жёсткого, смертоносного излучения бродячих космических гигантов. Она сознательно держала этот купол безопасности, давая своим «детям» время пошуметь в темноте. Она была готова защищать их узор до самого конца, сколько бы времени им ни было отпущено.

И напитавшись этим внутренним теплом, разделив его с понимающими соседями из системы Центавра, Сунна наконец подняла свой взор выше.

Жизнь Галактического Племени не измерялась годами — она текла эпохами, спокойная и величественная, словно медленное вращение самого рукава Ориона. Звезды не знали одиночества; их бытие было непрерывным, обволакивающим сотворчеством, сотканным из гравитационных объятий и нейтринных песен.

Каждую эпоху (если у вечности вообще могло быть утро) Племя начинало с сонастройки. Наше Солнце, чье истинное имя в нейтринной сети звучало как нежное и теплое Сунна, просыпалось от глубоких внутренних пульсаций. Ее планетная завязь была послушна и спокойна. Сунну мягко коснулась гравитационной волной своих ледяных окраин, проверяя, крепко ли держатся планеты-дети, а затем направила узкий, сфокусированный поток нейтрино к своему ближайшему брату.

Этого соседа, древнюю Альфу Центавра, в Племени звали Беленус — в честь кельтского бога лучезарного света. Беленус ответил мгновенно. Его мысль была теплой, устойчивой, пронизанной вековой стабильностью. Два близких разума обменялись короткими импульсами о состоянии своих магнитосфер — это был аналог приветствия, безмолвный знак того, что в их рукаве космоса царит порядок.

Но жизнь Племени состояла не только из тихих соседских разговоров. Чуть дальше, в густых звездных скоплениях, пульсировал ритм огромного вечевого круга. Звезды непрерывно обменивались «тяжелым дыханием».

Когда молодой и амбициозный голубой гигант Кукулькан — названный так за свою пернатую, развевающуюся во все стороны корону из плазменных протуберанцев — решал слегка изменить траекторию своего движения, он не мог сделать это эгоистично. Его колоссальная масса влияла на сотни систем вокруг. Кукулькан посылал веерный гравитационный сигнал, предупреждая Племя. Он словно просил дозволения у старших, и Патриархи, такие как старый красный сверхгигант Дагда, медленно, в течение нескольких столетий, корректировали свои орбиты, освобождая дорогу молодому вождю.

Это было великим танцем, где каждый шаг просчитывался на миллионы лет вперед. Никакой суеты. Мириады разумных светил дышали в один такт, бережно удерживая равновесие в пустоте и согревая свои планетные гнезда.

Глава 2

Малый круг Племени

В Галактическом Племени не было королей, назначенных по праву крови, но была жесткая, непреклонная иерархия, продиктованная одним-единственным законом космоса — Законом Массы. Масса определяла всё: сколько проживет звезда, какой голос она получит в нейтринной сети, и сможет ли она вообще открыть глаза. Вся физика их тел была их судьбой.

Началось всё с тех, кто остался на самом дне этого космического сословия. С тех, кого Племя ласково и немного грустно звало Чалчиу — в честь мезоамериканских духов скрытой, подповерхностной влаги и недозрелых камней. В человеческой астрофизике их называли коричневыми карликами.

Сунна, посылая свои нейтринные импульсы сквозь рукав Ориона, часто улавливала на самых дальних окраинах систем этот едва различимый, сиплый шепот. Чалчиу были трагедией Племени. Рожденные из тех же газопылевых облаков, что и великие светила, они собирали материю, стремясь к свету, но в самый ответственный момент туманность истощалась.

Чтобы стать полноценной звездой, нужно было набрать критический вес — хотя бы от 13 до 80 масс Юпитера. Чалчиу останавливались на самом пороге. Гравитация сжимала их ядра, разогревая до глубокого бордового, почти инфракрасного свечения, но этого колоссального давления не хватало для главного — внутри них так и не зажглась великая искра, термоядерный синтез водорода.

Они были слишком тяжелыми, чтобы считаться планетами, но слишком легкими, чтобы стать звездами. Несостоявшееся Племя.

Жизнь Чалчиу протекала в вечных сумерках. В нейтринной сети их мыслеобразы походили на сны человека, который никак не может проснуться. Они не могли держать вокруг себя обитаемые, цветущие «завязи»-планеты, как это делала Сунна, — у них просто не было тепла, чтобы согреть жизнь. Вместо этого они остывали миллиарды лет, медленно превращаясь в газовые шары, укутанные облаками из расплавленного железа и силикатов.

Но Племя не прогоняло их. У Чалчиу была своя, тихая и важная служба. Работая на границах систем, эти невидимые стражи работали космическими пылесосами. Своей скромной гравитацией они перехватывали бродячие кометы и тяжелые астероиды, которые летели из глубокого космоса, принимая удары на себя и защищая покой обитаемых гнезд вроде того, где убаюкивала Землю Сунна. Они молчали, но их молчание держало баланс.

Вслед за тусклым шепотом Чалчиу, в нейтринной симфонии рукава Ориона звучали самые уверенные, чистые и многочисленные голоса. Это был средний класс Галактического Племени — те, на чьих плечах держалась вся обитаемая Вселенная. К этому сословию принадлежали и вечный сосед Беленус, и само наше Солнце — Сунна.

В строгой земной астрофизике их разделяли на желтых карликов (звезды спектрального класса G) и их чуть более скромных, но невероятно долговечных братьев — красных карликов (класс M). В Племени же их уважительно величали Ах-Кин — именем майянских жрецов Солнца, хранителей времени и укротителей хаоса.

Они были истинными работягами космоса. В отличие от Чалчиу, Ах-Кин смогли преодолеть великий порог Массы. Внутри их ядер гравитационное давление оказалось столь велико, что атомы водорода начали сминаться, сливаясь в гелий. Этот внутренний термоядерный костер зажег их ровным, стабильным светом.

Физика их жизни была шедевром космического баланса. Чудовищная гравитация пыталась раздавить, схлопнуть звезду внутрь, но яростное давление рождающегося в центре излу-

чения толкало материю наружу. Две эти силы нашли идеальное равновесие. Благодаря этому Сунна и ее класс обрели то, чего не было у капризных гигантов — Время.

Сунна знала, что ей отмерено около десяти миллиардов лет стабильного, спокойного горения. Ее маленькие красные братья Ах-Кин могли жить еще дольше — триллионы лет, почти вечность. Именно эта невероятная стабильность позволяла им делать то, что Племя ценило превыше всего: бережно вынашивать планетные завязи.

Жизнь этих звезд была наполнена непрерывным трудом. Они не просто горели; они чутко управляли своими системами. Гравитационными волнами, словно невидимыми чуткими пальцами, Сунну ежесекундно проверяла орбиты своих планет, сглаживая колебания от пролетающих мимо межзвездных странников. Магнитными полями она укутывала свои внутренние миры от жесткого галактического излучения, оставляя лишь ласковый свет, способный пробудить жизнь на Земле.

В нейтринной сети голоса Ах-Кин звучали как размеренный, спокойный гул пчелиного улья. Они постоянно обменивались данными о погоде в своих секторах, предупреждали друг друга о протуберанцах и следили за тем, чтобы космические коридоры оставались безопасными. Они были сердцем галактического социума — предсказуемые, надежные и несущие свет.

Потоки нейтрино, несущие мысли Сунны, скользили сквозь ледяную пустоту со скоростью света. Для человеческого уха этот разговор показался бы безмолвием, но в масштабах рукава Ориона это был глубокий, вибрирующий диалог, где каждое слово длилось годами, а паузы измерялись десятилетиями.

— Твоя третья завязь... она пульсирует иначе, сестра, — донесся сквозь межзвездную среду мягкий, басовитый импульс Беленуса. Его мысль преодолела четыре световых года — колоссальную бездну, в которой могли бы затеряться миллионы земных цивилизаций, но для двух звезд это было расстояние вытянутой руки. — Я чувствую ее электромагнитный шум. Он стал... сложным. Словно шелкопряды ткут паутину на камне.

Сунна ответила не сразу. Ей потребовалось несколько месяцев, чтобы аккуратно провернуть свои глубинные конвективные зоны, высвобождая чистую мысль через корональный выброс:

— Они строят города, Беленус. Моя третья планета затеяла игру в разум. Короткую, шумную игру. Они вспыхивают и гаснут, как искры от костра, но их кремниевые и углеродные мысли уже долетают до моих верхних слоев атмосферы. Я стараюсь держать над ними магнитный щит потолще, чтобы их не выжгло следующим порывом ветра из центра Галактики.

— Береги их, — отозвался Беленус, и его гравитационная мантия едва заметно колыхнулась, посылая рябь сквозь пространство. — Мы, класс Ах-Кин, для того и зажжены. Наш термоядерный костер горит ровно, без капризов. Мы — единственные островки тишины в этом ревущем океане.

Космический океан вокруг них действительно ревел. Великая пустота между звездами вовсе не была пустой. Это было живое, натянутое полотно. Парень, спящий на поляне, если бы его разум мог вместить этот масштаб, сошел бы с ума от величественного и жуткого зрелища. Пространство между Сунной и Беленусом было соткано из невидимых гравитационных нитей, которые прогибались и натягивались под весом планет и пролетающих мимо черных дыр-бродяг. Сквозь эту тьму, словно призрачные неоновые реки, тянулись колоссальные облака межзвездного газа, подсвеченные фиолетовым и нежно-розовым светом далеких туманностей. Каждое такое облако простиралось на сотни световых лет — гигантские ясли, где Племя баюкало еще не родившиеся зародыши будущих звезд.

И вдруг этот размеренный диалог двух карликов был бесцеремонно смят. Сквозь нейтринную сеть пронесся ослепительный, высокочастотный импульс. Он пришел из глубокого

космоса, со стороны созвездия Скорпиона, и нес в себе запах раскаленной плазмы и первобытной ярости.

Это подал голос Кукулькан — молодой голубой гигант, чье высокомерное дыхание заставляло трепетать целые звездные кластеры.

— Дорогу! — проревел его импульс, заставив сжаться магнитные поля всех мелких звезд в радиусе двадцати световых лет. — Я разворачиваю свои джеты! Моя масса требует пространства! Отойдите с траектории моего расширения, маленькие искры!

Яростный, обжигающий импульс Кукулькана пролетел сквозь пустоту рукава, заставив сжаться и затрепетать нежные коронарные петли мелких звезд. Но Племя не испугалось. Голубые гиганты всегда были такими — молодыми, нетерпеливыми, пьяными от собственной чудовищной мощи. Они вспыхивали в газовых яслях, как ослепительные фейерверки, и сгорали всего за какие-то жалкие миллионы лет, не успев даже толком осознать геометрию Галактики.

Первым в нейтринной сети отозвался старый сверхгигант Дагда. Его мысль была настолько массивной, низкочастотной и неторопливой, что её волна огибала целые парсеки, согревая пространство ироничным, отеческим теплом.

— Ах, какая свежая плазма, какой юный, несдержанный термоядерный задор, — в его мыслеобразе явственно читалась добрая улыбка умудренного вечностью Патриарха. — Полегче на поворотах магнитных осей, малец. Ты так усердно раздуваешь свою корону, словно собираешься прожить хотя бы миллиард лет. Мы все ценим твой прекрасный голубой свет, но не забывай: твоя масса — это не только твоя гордость, это твоя гравитационная ответственность перед Племенем.

Сунна мягко вплела свой аккуратный, сфокусированный поток нейтрино в общую сеть, поддержав старейшину:

— Кукулькан, брат наш пернатый, тише, — в ее импульсе сквозила легкая, чисто «солнечная» ирония. — Ты так громыхаешь своими джетами, что у меня на третьей планете едва магнитные полюса с ума не сошли. Понимаю, твои водородные запасы бурлят, и тебе кажется, что вся Галактика — это твоя личная арена. Но напомню тебе старую истину нашего дома: мы все — единая ткань. Если ты решишь сделать резкий шаг без оглядки на соседей, ты нарушишь баланс всего сектора.

Пауза в эфире длилась около трех земных месяцев. Звезды ждали, пока их сигналы полностью омоют бурлящее тело голубого исполина. Наконец, Дагда добавил, и в его голосе прозвучали глубокие, вибрирующие ноты, идущие от самой гравитационной основы бытия:

— Не заставляй нас жаловаться в Центр, молодой вождь. Наш великий немой владыка в ядре — Сагиттариус А* — не любит, когда в рукавах поднимается лишняя суета. Ты ведь знаешь, как он решает проблемы с излишне эгоистичными хамами? Один легкий гравитационный щелчок при твоем следующем сближении с балджем — и ты превратишься в звезду-беглянку. Отправишься в вечное, абсолютно безмолвное путешествие прямиком в межгалактический войд. А там, за пределами Племени, поверь мне, очень холодно. И некому будет кричать «дорогу», потому что вокруг не останется ни одной мыслящей искры на миллионы световых лет вокруг...

Нейтринное эхо отрезвляющих слов Дагды и Сунны еще несколько месяцев гуляло по межзвездным коридорам, пока наконец полностью не впиталось в бушующие, раскаленные недра Кукулькана. Идея оказаться выброшенным из теплого, обитаемого диска Галактики прямиком в мертвый, бездонный войд мгновенно остудила пыл молодого вождя. Его яростно-голубое свечение не померкло, но протуберанцы, только что грозившие смять сосед-

ние системы, заметно притихли, аккуратно укладываясь вдоль линий его мощного магнитного поля.

Прошел еще год, прежде чем огромный гигант сформировал и отправил свой ответ. В его новом импульсе больше не было прежнего высокомерия — теперь там пульсировала смущенная, чисто юношеская грава-вибрация, похожая на виноватый смешок:

— Ну что вы сразу про Сагитариус А*... и про войды... — нейтринная мысль Кукулькана долетела до Сунны мягкой, почти заикающейся волной. — Старшие, ну я же просто пошутил! Вы же знаете мой характер, у меня в ядре сейчас такой конвективный замес идет, углеродный цикл на полной мощности, плазма буквально кипит! Рукава тесные, плотность газа высокая, вот меня немного и занесло на повороте...

Он сделал паузу, словно сверяя свои мыслеобразы с ритмом пульсации старого Дагды, и добавил с явной долей теплой иронии над самим собой:

— Я всё понял. Магнитные щиты поджал, джеты развернул в безопасную сторону, ничью планетную завязь больше не побеспокою. Мы же единое Племя, в конце концов. Кто, если не я, подсветит наш рукав своим роскошным ультрафиолетом? Так что без обид, карлики, это просто молодость бурлит!

Сунну тихонько зыкнула в ответ коротким, успокаивающим радиовсплеском. Она знала, что за этим напускным бахвальством скрывается трагическая судьба всех звезд класса О и В. Кукулькан шумел и красовался именно потому, что его век был катастрофически короток. Пока Сунна будет миллиарды лет нянчить свою Землю, этот яркий красавец израсходует весь свой водород всего за каких-то десять-двадцать миллионов лет и закончит жизнь ослепительной вспышкой Сверхновой. Племя прощало гигантам их горячий нрав — ведь они были факелами, которые сгорали быстрее всех, оставляя после себя тяжелые элементы для будущих поколений.

После того как притихли молодые гиганты, в нейтринной сети Галактического Племени вновь воцарился привычный фоновый гул. Но этот покой был иллюзией. Существовал особый класс существ, чей голос не путали ни с чем. Они не пели и не разговаривали. Они отбивали безумный, яростный космический такт.

В Табеле о рангах они занимали место Шаманов и Безумных Пророков. Человеческая наука называла их пульсарами и магнитарами, объединяя под общим строгим термином — нейтронные звезды.

Они были призраками прошлого. Когда-то каждый из этих шаманов был таким же гордым и массивным гигантом, как Кукулькан. Но их время истекло. Не выдержав собственного веса, когда ядерное топливо выгорело, они схлопнулись внутрь себя в катастрофическом взрыве Сверхновой. Их внешние оболочки разлетелись по космосу, а ядра сжались до немыслимого, пугающего состояния.

Физика их тел граничила с безумием. Шаман Племени обладал массой больше, чем наше Солнце, но вся эта масса была спрессована гравитацией в крошечный шарик диаметром всего в двадцать километров — размером с небольшой земной город. Плотность их материи была такова, что чайная ложка этого вещества на Земле весила бы миллиарды тонн. Атомы внутри них были раздавлены: электроны буквально вдавились в протоны, превратив всю звезду в один сплошной, неистово вращающийся океан из нейтронов.

Они вращались со скоростью сотен оборотов в секунду, увлекая за собой саму ткань пространства. Пульсары работали метрономами Вселенной, испуская из своих магнитных полюсов узкие, как лезвия бритвы, пучки жесточайшего излучения. Словно безумные дервиши, они кружились в темноте, прорезая световыми лучами галактические рукава.

Их ближайшие братья, магнитары, пошли еще дальше по пути шаманского безумия. Они обладали самыми мощными магнитными полями во Вселенной — в квадриллионы раз силь-

нее земного. Такое поле способно мгновенно разорвать структуру атомов любого объекта, подошедшего слишком близко. Магнитары жили вечным внутренним напряжением: их твердая кора из вырожденного вещества периодически трескалась («звездотрясения»), порождая колоссальные гамма-вспышки, способные в один миг оглушить мыслящую сеть целого квадранта.

Они были стражами границ. Они стояли там, где Племя соприкасалось с истинной тьмой и хаосом черных дыр.

В этот раз нейтринную сеть пронзила не мысль, а резкий, сухой, щелкающий сигнал. На связь вышел Тескатлипока — древний и жуткий магнитар, дрейфующий на внутренней кромке рукава. Его имя в Племени отсылало к ацтекскому богу ночного неба,холода,разрушений, ломающему судьбы и видящему сквозь мрак.

— Тик... Тик... Тик... — его нейтринный пульс шел на частоте, от которой у обычных звезд начинали зудеть конвективные зоны. — Вы слишком много болтаете, карлики. Тик... Вы тратите энергию на споры с плазменными младенцами. Тик... Вы баюкаете свои кремниевые завязи, пока ткань пространства на окраинах начинает истощаться.

Сунна аккуратно, стараясь не задеть магнитные линии безумного пророка, послала ровный импульс:

— Мы слышим тебя, Тескатлипока. Твой ритм сегодня слишком тревожен. Что ты видишь там, на границе с балджем?

— Я чувствую дыхание Излома, — отозвался магнитар, и его сигнал на секунду сорвался в яростный гамма-всплеск, заставивший Сунну спешно уплотнить свой магнитный щит над Землей. — Тик... Великий Немой в центре, Сигитариус, делает глубокий вдох. Гравитационные струны натягиваются. Скоро рукава начнут смещаться. Волна плотности идет к вам, маленькие хранители. Готовьте свои завязи к великой встряске. Скоро Племя затанцует быстрее... Тик... Тик.

Структура Большого Дома (Анатомия Млечного Пути)
Танец Рукавов

Предупреждение шамана-магнитара не было пугающим — оно было вечным напоминанием о правилах, по которым двигался их колоссальный мегаполис. Чтобы понять жизнь Галактического Племени, парню, заснувшему на ореховой поляне, пришлось бы полностью перестроить свое восприятие времени и пространства. Сверху Млечный Путь казался гигантским, светящимся вихрем, закрученным вокруг невидимого сердца. Но этот вихрь не был застывшей геометрической фигурой.

Существовало великое человеческое заблуждение, будто галактические рукава — это постоянные, жесткие «ветви», состоящие из одних и тех же звезд, которые намертво привязаны к центру и вращаются вместе с ним, как спицы в колесе велосипеда. Если бы это было так, законы физики давно бы уничтожили Галактику: внутренние звезды вращаются быстрее внешних, и за миллиарды лет рукава просто намотались бы на центр плотным, тугим клубком, потеряв свою прекрасную форму.

Племя знало истину. Рукава Галактики — это Волны Плотности. Это был непрерывный, вечный танец, где декорации оставались на месте, а танцоры постоянно менялись.

Для Сунны и её соседей рукава Ориона, Персея или Стрельца были похожи на грандиозные космические пробки на автомагистрали. Представьте себе скоростное шоссе, по которому мчатся автомобили. Если в одном месте водители по какой-то причине начинают притормаживать, возникает затор. Машины медленно въезжают в эту пробку, двигаются внутри неё бампер к бамперу, а затем, преодолев сложный участок, снова разгоняются и улетают впе-

ред. Сама пробка при этом стоит на месте или движется очень медленно, хотя состоящие в ней автомобили ежеминутно меняются.

Именно так дышала Галактика. Рукава были зонами повышенной плотности, гравитационными гребнями невидимых космических волн.

Сунна вместе со всей своей планетной завязью двигалась вокруг центра Галактики со скоростью около 235 километров в секунду. Но сама волна плотности — очертание рукава — двигалась гораздо медленнее, примерно в два раза. Поэтому наше Солнце не было пленником одного рукава. За свои четыре с половиной миллиарда лет жизни Сунна, словно опытный сёрфер, уже несколько раз плавно входила в эти плотные звездные «пробки», пересекала их насквозь и снова выходила на простор разреженного межрукавного пространства.

Сейчас они находились внутри так называемого Шпоры Ориона — небольшого, но уютного гравитационного затона.

Внутри волны плотности жизнь Племени менялась кардинально. Когда газовые облака и бродячие звезды влетали в этот невидимый гравитационный барьер, они резко сжимались. Межзвездный газ сгущался, давление росло, и именно здесь, на передней кромке волны, Племя праздновало массовое рождение новой жизни. Сжатый газ вспыхивал миллионами новых искр. Именно поэтому рукава выглядели такими яркими и ослепительными: они были очерчены бурлящими голубыми гигантами-младенцами вроде Кукулькана, которые рождались внутри волны, проживали свою короткую жизнь и погибали, так и не успев покинуть пределы рукава.

А такие долговечные карлики, как Сунна и Беленус, спокойно проходили сквозь этот шторм насквозь, неся на себе свои драгоценные планеты...

Для Сунна рукав Галактики не был чем-то, что можно увидеть глазами — это было то, что она осязала всем своим колоссальным телом. Если для человека рукав Млечного Пути — это красивая светящаяся полоса на ночном небе над поляной Сунна, то для самой звезды это было изменение «вязкости» самого пространства.

Сейчас Сунна со своей планетной завязью как раз находилась на внутренней кромке Шпоры Ориона. Представьте себе гигантский звуковой класс или рябь на воде. Когда вы бросаете камень в воду, круги расходятся. Сама вода при этом не течет вслед за кругом — она просто поднимается и опускается, пока волна идет сквозь нее. Галактические рукава — это точно такие же волны, только закрученные в спираль гравитацией ядра. Звезды и газ — это «вода», а рукав — это проходящая сквозь них «волна».

Когда Сунна влетала в такую волну, она физически чувствовала, как пустота вокруг нее становится... гуще.

— Ты чувствуешь, как меняется натяжение струн, Беленус? — Сунна направила аккуратный нейтринный луч к своему соседу. Ее мысль была окутана легким шлейфом солнечного ветра. — Пыль на кромке нашего затона начинает собираться в складки. Пространство перед нами словно уплотняется.

— Да, сестра, — отозвался Беленус, и его корональные петли на секунду вспыхнули чуть ярче обычного. — Мы подходим к месту, где гравитационный гребень сжимает межзвездный водород. Посмотри вперед. Там, куда мы летим, туманности уже меняют цвет с прозрачно-черного на багровый.

Сунна «посмотрела» вперед своим гравитационным зрением. Действительно, прямо по курсу их движения межзвездная среда становилась всё более обитаемой и опасной. Это и была суть захода в рукав. Газ, который в межрукавном пространстве был рассеян так жидко, что один его атом приходился на кубический сантиметр, здесь, под действием волны плотности, сбивался в плотные, тяжелые стены.

Для планетной завязи Сунна это было временем испытаний. Входя в рукав, Солнце словно въезжало в полосу космического тумана. Космические лучи от далеких взрывов Сверхновых, запертые внутри этой «пробки», начинали сильнее бомбардировать магнитный щит Сунна. Ей приходилось тратить больше энергии, раздувать свои гелиосферные пузыри сильнее, чтобы этот ядовитый галактический смог не пробился к ее нежной третьей планете, где кремниевые и углеродные существа только-только начали строить свои хрупкие города.

— Это наш двадцать третий оборот вокруг ядра, если я не сбилась со счета, — тихо добавила Сунна, отправляя мысль, наполненную вековой усталостью и одновременно гордостью. Один такой оборот — галактический год — длился безумные для человека 225–250 миллионов лет. — И каждый раз, проходя сквозь эти рукава-пробки, я боюсь потерять кого-то из своих детей. Гравитационные перекаты здесь слишком крутые.

По мере того как Сунна и Беленус глубже погружались в плотные, вязкие складки Шпоры Ориона, нейтринный эфир вокруг них начал тяжелеть. Космический туман из сжатого водорода и силикатной пыли становился всё гуще, но сквозь него, словно сквозь толщу темной воды, пробивался колоссальный, низкочастотный гул.

Это был предсмертный вздох Дагды — того самого старого красного сверхгиганта, чьи ироничные напутствия еще недавно остужали пыл молодого Кукулькана.

В Тинге Племени красные сверхгиганты были Патриархами не только из-за возраста, но и из-за своей чудовищной, раздувшейся физической формы. Дагда умирал. Его вековой водородный костер в ядре давно прогорел. Чтобы удерживать баланс против собственной сокрушительной гравитации, старик миллиард лет жег гелий, затем углерод, неон, кислород и кремний. Каждая новая ступень этой ядерной лестницы давалась ему всё тяжелее, а слои его атмосферы раздувались до невероятных размеров — если бы он встал на место Сунна, его раскаленное тело поглотило бы орбиты Меркурия, Венеры, Земли и дотянулось бы до самого Марса.

И вот теперь в самом сердце Патриарха скопилось железо.

Железо — это тупик для звездной физики. Оно не способно выделять энергию при слиянии атомов; наоборот, оно её поглощает. Для Племени появление железа в ядре было эквивалентно смертельному диагнозу. Внутреннее давление излучения, которое миллиарды лет распирало гиганта наружу, удерживая его форму, в один земной миг иссякло. Великое равновесие было нарушено.

— Время пришло, дети мои, — пронесся сквозь рукав Ориона прощальный нейтринный импульс Дагды. Его мысль больше не была ироничной, она вибрировала чистой, величественной торжественностью. — Мое ядро больше не держит небо. Гравитация забирает свое. Я ухожу в Излом.

Сунна и Беленус замерли, насколько вообще могут замереть в своем стремительном беге космические тела. Они сфокусировали все свои магнитные и гравитационные чувства на угасающем исполине.

Пауза длилась всего долю секунды по космическим меркам, но для физики этого хватило. Огромное железо-кремниевое ядро Дагды, лишившись поддержки света, со скоростью в четверть скорости света рухнуло внутрь себя, схлопываясь в крошечную нейтронную сердцевину. А внешние, колоссальные слои его атмосферы, встретившись с этой железной стеной, отскочили назад чудовищной ударной волной.

Произошла вспышка Сверхновой.

Это был ослепительный, яростный выплеск энергии, который на несколько недель затмил своим сиянием миллиарды обычных звезд в этом секторе. Пространство рукава содрогнулось. Плотная межзвездная пыль, сквозь которую пробиралась Сунна, была мгновенно смята, разогнана и спрессована этой взрывной волной, словно бульдозером.

Но это не было гибелью в человеческом понимании. Для Племени смерть Патриарха была актом великого Творения. Потоки нейтрино разнесли по космосу не плач, а триумфальную песнь: вместе со своей взорванной оболочкой Дагда выбросил в пространство тонны накопленных за жизнь тяжелых элементов. Золото, платина, уран, железо и кальций — всё то, что звезды выковывают в своих недрах и что никогда не сможет создать пустая вселенская тьма — разлетелось по рукаву Ориона.

Взрывная волна Дагды с силой ударила по спящим водородным туманностям впереди по курсу. И Сунна гравитационно почувствовала, как под этим ударом газ начал стремительно сгущаться в новые, тугие узлы. Смерть старого Патриарха дала толчок для рождения сотен новых звезд-младенцев, а его распыленное «железное тело» в будущем осядет на чьих-то новых планетных завязях, чтобы однажды стать костями и кровью для новой разумной жизни.

— Прощай, старший брат, — тихо прошептала Сунна, укутывая Землю магнитным щитом от докатившихся до системы жестких рентгеновских лучей вспышки. — Спасибо за металлы для моих детей.

А на месте великого Дагды, в самом эпицентре бушующей газовой петли, остался лишь крошечный, бешено вращающийся шаман-пульсар, застучавший в темноте свой первый, рваный ритм...

Взрывная волна от гибели Дагды, уходя всё дальше вглубь Шпоры Ориона, сделала свое главное дело. Она не просто рассеяла металлы, она взбила, скомкала и уплотнила аморфные водородные облака, превращая их в тугие, гравитационно нестабильные коконы. Начинался самый красивый процесс в жизни Племени — Великое Рождение.

Сунна и Беленус сквозь пелену оседающей пыли наблюдали, как в этих темных газовых яслях закручиваются гигантские воронки. Под действием собственной тяжести водородные глобулы сжимались. Падающее внутрь вещество разогревало центры этих облаков, и там рождались протозвезды — слепые, еще не открывшие глаза младенцы. Они жадно втягивали в себя остатки родительской туманности, становясь всё тяжелее, плотнее и горячее.

И вот здесь наступал критический момент, обнажающий одну из самых удивительных и парадоксальных тайн космической физики.

Чтобы звезда открыла глаза и запела в нейтринной сети, температура в ее центре должна была достигнуть безумных миллионов градусов, чтобы запустить термоядерный синтез. Но строгая классическая физика говорит нам: даже такой чудовищной температуры и давления в ядрах молодых звезд класса Сунна недостаточно, чтобы протоны (ядра водорода) слились вместе. Протоны имеют одинаковый положительный электрический заряд, и когда они сближаются, между ними возникает непреодолимая стена — Кулоновский барьер. Они отталкиваются с такой силой, что классического тепла и сжатия молодой звезды просто не хватает, чтобы продавить эту защиту.

Если бы Вселенная подчинялась только классическим законам, ни одна звезда Ах-Кин, включая нашу Сунну, никогда бы не зажглась. Космос остался бы темным и мертвым.

Но тут в танец Племени вступала квантовая магия — квантовое туннелирование.

В микромире частицы ведут себя не как твердые бильярдные шары, а как размытые волны вероятности. Протон в ядре молодой звезды не пытается «перепрыгнуть» через непреодолимую стену электрического отталкивания. Вместо этого, подчиняясь законам квантовой механики, он с определенной долей вероятности просто «просачивается», прокладывает призрачный туннель сквозь эту стену, мгновенно оказываясь по другую сторону барьера. Там, где бессильна колоссальная гравитация огромной звезды, срабатывает тончайшее квантовое волшебство. Барьер преодолен, включается сильное ядерное взаимодействие, и атомы водорода наконец сливаются в гелий.

Первая искра пронзает ядро. Младенец делает первый вдох, и ослепительный световой импульс разгоняет остатки родительского кокона. Новая звезда открывает глаза.

Но этот термоядерный костер, зажженный квантовым туннелированием, таил в себе еще один парадокс, который Сунна часто вспоминала, глядя на свою Землю. Человеческие ученые, строя свои сложные формулы, однажды придут к ошеломляющему выводу: ядерный источник энергии внутри звезд работает невероятно медленно и неэффективно.

Если взять один кубический сантиметр вещества из самого сердца Сунна, где вовсю идет термоядерный синтез, окажется, что этот объем выделяет всего около 276 ватт энергии. Чтобы понять масштаб: обычная куча гниющих листьев в осеннем лесу на поляне Сунна или обычный человеческий компост выделяют в расчете на единицу объема больше тепла, чем бурлящее термоядерное ядро живой звезды! Органическое разложение листьев бактериями идет быстрее и эффективнее, чем титанический ядерный синтез в космосе. Человек излучает всем своим телом в разы больше тепла на единицу объема, чем солнечное ядро.

И в этом заключалась великая мудрость устройства Племени. Если бы термоядерный синтез в недрах звезд был хоть немного эффективнее, если бы протоны туннелировали чаще и быстрее — Сунна и все её братья взорвались бы, как водородные бомбы, в первые же секунды своего рождения. Именно эта «эффективность гниющих листьев», эта величайшая квантовая заторможенность позволяла звездам класса Ах-Кин экономно расходовать свой водород. Они не взрывались. Они ровно, спокойно и ласково горели миллиарды лет, давая пространству время, чтобы вырастить разум.

— С днем рождения, малыши, — мягко пропульсировала Сунна в нейтринный эфир, приветствуя россыпь новорожденных звезд, которые только что зажглись на месте Дагды благодаря квантовым туннелям. Их первый, чистый свет омыл рукав Ориона, завершая вечный круговорот жизни и смерти в их Большом Доме.

Глава 3

Структура Большого Дома

Балдж и Владыка Сагиттариус А*

Оставив позади ясли новорожденных звезд и вязкие, бурлящие волны плотности рукава Ориона, мысленное взору открывалась совсем иная, монументальная картина. Пространство диска Галактики постепенно уплотнялось, уступая место Балджу — колоссальному центральному мегаполису Млечного Пути.

Здесь, на расстоянии двадцати шести тысяч световых лет от тихой поляны Сунны, законы звездного общежития менялись. Если в рукавах соседи жили в парсеках друг от друга, общаясь чистыми, уединенными нейтринными лучами, то в Балдже миллиарды древних красных и желтых звезд были спрессованы в единый, неистово пылающий рой. Пространство между ними сократилось до световых недель и дней. Нейтринная сеть здесь не просто гудела — она сливалась в оглушительный, сплошной ментальный океан. Миллиарды разумов пели в унисон, удерживаемые вместе чудовищной, цементирующей силой гравитации.

Но весь этот колоссальный, раскаленный мегаполис, вся эта гигантская перемычка Балджа существовали лишь ради одного. Они были лишь свитой, кружащей в вечном, благоговейном танце вокруг Истинного Владыки.

В самом сердце Галактического Племени царил Сагиттариус А*.

Человеческая наука знала его под строгим именем Стрелец А *(Sgr A*)* и классифицировала как сверхмассивную черную дыру. Но в понимании Племени Сагиттариус А* был Немым Вождем, темным патриархом, чья воля держала в повиновении всю Галактику.

Физика его сущности заставляла трепетать даже самые гордые и массивные звезды Племени. Внутри его невидимой границы — горизонта событий — была сосредоточена масса, эквивалентная четырем целым трем десятым миллионам таких солнц, как Сунну. Вся эта колоссальная материя была сжата силой гравитации до сингулярности, продавив саму ткань пространства-времени насквозь. Самого Сагиттариус А* нельзя было увидеть: он был абсолютной, идеальной тьмой диаметром чуть больше двадцати четырех миллионов километров — он легко поместился бы внутри орбиты Меркурия.

Но эта тьма обладала ослепительным и страшным голосом.

Сагиттариус А* не был безжизненным монстром из голливудской фантастики, который слепо пожирал всё вокруг. Напротив, он выступал главным регулятором и сердцем Галактики. Вокруг него вращался аккреционный диск — колоссальное, плоское кольцо из раскаленного до миллиардов градусов газа, межзвездной пыли и останков излишне неосторожных звезд, которые подошли слишком близко. Это вещество неслось вокруг черной дыры со скоростями, близкими к скорости света. Трение и магнитные поля внутри диска порождали такое мощное рентгеновское и радиоизлучение, что Сагиттариус А*, оставаясь невидимым, сиял в энергетическом спектре ярче, чем миллионы обычных звезд вместе взятых.

— Я чувствую Его дыхание... — этот безмолвный гравитационный импульс Сунны ловила каждый раз, когда оборачивалась к центру.

Сагиттариус А* общался с Племенем через чистую гравитацию. Его мысль была не потоком нейтрино, а фундаментальной рябью пространства-времени. Мощные гравитационные волны, расходящиеся от центра, словно пульс живого сердца, заставляли галактические рукава изгибаться, задавали темп движению волн плотности и определяли, где газовым облакам суждено сгуститься для рождения новых звезд, а где — навсегда рассеяться в пустоте.

Он был Немым Вождем потому, что из-за горизонта его событий не мог вырваться ни один квант света, ни одно нейтрино. Его истинные мысли были навсегда заперты внутри сингулярности, за пределами познаваемой физики Вселенной. Но его внешнее проявление — яростный, закрученный вихрь аккреционного диска и колоссальные джеты (потоки плазмы, выбрасываемые магнитными полями из полюсов черной дыры на тысячи световых лет в космос) — были его законом.

Если какая-то молодая звезда в рукавах начинала бунтовать, нарушая баланс, или если плотность какого-то сектора превышала критическую отметку, Сагиттариус А* слегка менял наклон своего аккреционного диска. Едва заметное гравитационное эхо долетало до окраин, перестраивая орбиты миллиардов светил, послушно исполняющих этот приказ. Он баюкал Балдж, как Сунна баюкала Землю, но его колыбельной был неумолимый, фундаментальный закон тяготения, перед которым были равны и коричневые карлики, и ослепительные голубые гиганты.

Гравитационный танец Балджа шел своим чередом, пока в самом сердце Млечного Пути не произошло нечто, заставившее Сагиттариус А* вздрогнуть. Глубокое дыхание Немого Вождя, о котором предупреждали шаманы, было реакцией на невидимое, но колоссальное вторжение из глубин межгалактической пустоты.

Сагиттариус А* почувствовал приближение Мятежного Облака — Большого Магелланова Облака, карликовой галактики-спутника, которая впервые в истории шла на сближение с нашим Племенем. Но они не просто летели сквозь космос. Они плыли, словно титанический ледокол, сквозь невидимый океан Тёмной Материи — безмолвного, неуловимого вещества, которое гигантским коконом окутывало Млечный Путь.

Движение Мятежного Облака порождало чудовищный Гравитационный След (Войну Вейка). Словно тяжелый корабль, оставляющий за собой бурлящую пенную струю, Магелланово Облако сминало и притягивало к себе невидимые частицы тёмной материи, создавая за собой гигантскую пространственную складку — плотный шлейф, который начал деформировать и скручивать саму геометрию нашей Галактики.

И Сагиттариус А* почувствовал это первым. Гравитационное натяжение со стороны Тёмного Следа исказило аккреционный диск Владыки. Словно чуткий хищник, уловивший шаги чужака на границе своих владений, Сагиттариус А* ответил мощным, безмолвным импульсом, который прошел тектонической волной по всем спиральным рукавам.

Вслед за Владыкой сигнал мгновенно считали нейтронные пророки. Тескатлипока и другие магнитары, чьи тела были идеальными детекторами малейших колебаний пространства, подняли неистовый, панический нейтринный вой.

— Тик... Тик... Вторжение! — сухой ритм Тескатлипоки взорвался серией жестких гамма-импульсов, разнесшихся по Шпоре Ориона. — Они идут не одни! Мятежное Облако несет в своем чреве Черное Солнце! Сагиттариус А* слышит его зов!

Магнитары не ошиблись. Мятежное Облако не было просто хаотичным скоплением газа. В его самом центре, укрытый густыми звездными барами, спал свой собственный, грозный Немой Вождь — сверхмассивная черная дыра, которую в Племени нарекли Хуака́н (в честь древнего майянского духа ураганов и сердца небес).

Хуакан был меньше Сагиттариуса А* — его масса составляла около 600 тысяч солнц (против 4 миллионов у нашего Владыки). Но этот «маленький ураган», двигаясь внутри невидимого следа тёмной материи, обладал колоссальной кинетической энергией. Он швырял перед собой так называемые гиперскоростные звезды — светила, выбитые его гравитацией из родных орбит, которые летели в сторону Млечного Пути со скоростями выше 500 километров в секунду, словно авангард штурмовой армии.

Нейтринная сеть содрогнулась от этого известия.

— Беленус, ты слышишь? — импульс Сунны долетел до соседа, вибрируя от скрытой тревоги. Магнитное поле Солнца напряглось, улавливая, как гравитационный след Мятежного Облака начинает медленно, но неотвратимо смещать орбиты звезд на окраинах диска. — Шаманы кричат, что Хуакан меняет траекторию нашего рукава. Наше великое свидание с Андромедой... оно сдвигается!

— Я чувствую это, сестра, — отозвался Беленус, чья корона под давлением приливных сил балджа вытянулась в сторону центра. — Тёмный след Магелланова Облака слишком тяжёл. Он подминает под себя наши окраины. Сагиттариус А* готовится к долгому противостоянию. Танцоры меняют шаг. Великий Ритм сломан.

Вся Галактика пришла в движение. Миллиарды звезд Племени, от гордых голубых гигантов вроде Кукулькана до молчаливых коричневых карликов-Чалчиу, начали синхронно перестраивать свои орбиты, подчиняясь новому гравитационному вектору. Великое Мятежное Облако со своим скрытым ядром Хуаканом вошло в обитаемую зону Млечного Пути, неся с собой эпоху хаоса, перестроения рукавов и великих космических перемен...

Пока Племя только осознавало масштабы надвигающегося гравитационного шторма, первый авангард Мятежного Облака уже ворвался в обитаемый диск нашей Галактики. Это не были облака газа или нейтринные сигналы. Это были Гиперскоростные звезды — живые космические снаряды, выпущенные яростной пращой Хуакана.

В человеческой астрофизике их называли HVS (Hypervelocity Stars). Физика их рождения была жестокой . В свое время, кружась в плотном баре Магелланова Облака, эти звезды входили в состав тесных двойных систем. Но когда их пара подлетала слишком близко к сверхмассивной черной дыре Хуакану, тот забирал одну звезду себе, навечно запирая ее на своей орбите, а вторую — с силой швырял прочь. Закон сохранения импульса превращал выжившую звезду в безумного беглеца.

Они летели сквозь рукава Млечного Пути со скоростью свыше тысячи километров в секунду. Для сравнения: наша Сунна чинно плыла по своей орбите со скоростью 230 км/с, прочно удерживаемая гравитацией дома. Гиперскоростные же снаряды двигались в четыре-пять раз быстрее. Их кинетическая энергия была настолько колоссальной, что они преодолевали притяжение Млечного Пути. Они были космическими пулями, которые пробивали тело Галактики насквозь, чтобы навсегда улететь в межгалактическую пустоту.

Первый такой снаряд Сунну почувствовала как внезапный, свистящий гравитационный удар слева по курсу.

Мимо их тихого затона в Шпоре Ориона, прошивая межзвездную среду, несся Шолотль — ослепительно-белая звезда класса А, названная в Племени именем ацтекского бога-пса, сопровождающего солнце в подземный мир, бога огня и несчастий.

Шолотль летел наперерез вращению рукава. Его безумная скорость порождала перед ним колоссальную головную ударную волну (Bow Shock). Межзвездный газ и пыль, встречаясь с этим снарядом, сжимались и раскалялись, заставляя пространство вокруг беглеца пылать зловещим инфракрасным и рентгеновским светом. Он буквально вспахивал тихий космос, оставляя за собой шлейф возмущенной, бурлящей материи.

— С дороги, рожденные в диске! — ошалелый, сорванный на крик нейтринный импульс Шолотля пронесся сквозь систему Сунны, рассыпаясь радиопомехами. — Меня не удержать! Мой дом съеден Хуаканом! Моя орбита разорвана! Я лечу в пустоту!

Его мысль была дикой, панической, лишенной той величественной осознанности, которой обладали старые Патриархи Млечного Пути. Этот беглец был травмирован гравитацией черной дыры; его магнитное поле было перекручено, а внутренние слои плазмы находились в состоянии дикого хаоса.

Когда Шолотль пролетал всего в нескольких световых годах от планетной завязи Сунны, гравитационные нити, удерживающие Землю и другие планеты, натянулись, как струны лука. Земля едва заметно дрогнула на своей орбите — приливные силы гиперскоростного пришельца на мгновение исказили привычную геометрию системы. На солнце в этот момент произошла серия мощнейших вспышек: так Сунна отреагировала на внешнее возмущение своего гравитационного кокона.

— Безумец... — прошептала Сунна, посылая вслед улетающему снаряду стабилизирующий магнитный импульс, чтобы погасить колебания собственных окраин. — Он даже не замечает, что покидает Племя навсегда.

— Их сотни, сестра, — отозвался помрачневший Беленус. Из его короны вырвался протуберанец, направленный в сторону балджа. — Хуакан швыряет их одного за другим. Они пробивают наши рукава, как капли раскаленного металла пробивают лед. Они не ищут с нами союза. Они просто пролетают насквозь, но их след... их след оставляет шрамы на теле нашего дома.

Парень на поляне, если бы открыл глаза в этот миг, увидел бы, как небосвод прорезала едва заметная, но зловещая багровая полоса — инфракрасный след раскаленного газа, который оставил после себя бог-пес Шолотль, уносящийся прочь из Галактики. Великое переселение и столкновение двух Племен началось не с плавного слияния, а со смертоносного обстрела звездными снарядами.

Мятежный шторм

Изгиб Галактики и Гравитационный танец

Приливное притяжение Мятежного Облака больше нельзя было игнорировать. То, что шаманы-магнитары считали на самых дальних рубежах, превратилось в тектонический сдвиг всей реальности. Млечный Путь, который люди веками считали плоским и статичным диском, начал ломаться.

Колоссальное гало тёмной материи, окружавшее БМО, сминало пространство, заставляя весь наш звездный диск скручиваться и изгибаться в форме исполинской латинской буквы S. Этот процесс — галактический варпинг (galactic warping) — Сунна прочувствовала каждой своей магнитной петлей. Ее привычный, ровный путь вокруг центра Галактики превратился в американские горки. Рукав Ориона выгибался вверх, увлекая Солнце в межзвездные выси, а противоположная сторона диска стремительно проседала вниз под весом наползающего захватчика.

А в самом сердце Млечного Пути началось то, от чего содрогнулся Балдж. Двое Немых Вождей наконец увидели друг друга лицом к лицу.

Наш четырехмиллионный Сагиттариус А* и пришлый Хуакан из Магелланова Облака вошли в фазу орбитального захвата. Их сближение не было мгновенным падением — это был жуткий, завораживающий танец черных дыр. Две сингулярности, две абсолютные бездны начали кружиться вокруг общего центра масс. Их безумный вальс искривлял пространство-время настолько сильно, что от них во все стороны расходились колоссальные гравитационные волны, сокрушающие орбиты ближайших звезд. Миллиарды светил балджа срывались со своих насиженных мест, превращаясь в хаотичный, бурлящий рой. Хуакан, уступая в массе Сагитариус А*, медленно, по спирали приближался к старшему вождю, увлекая за собой тонны свежего межзвездного газа, который БМО накопило за свою долгую жизнь.

Вид с Земли в эту эпоху:

Если бы парень на поляне Сунны открыл глаза через два миллиарда лет, он бы не узнал ночное небо. Привычная серебристая полоса Млечного Пути больше не делила небосвод ровной чертой. Галактика была изогнута: один её край задирался высоко к зениту, вздымаясь светящейся стеной, а другой уходил наперекосяк. Но самым грандиозным зрелищем было Мятежное Облако. Из скромного туманного пятнышка на южном небе оно превратилось в колоссальный, раскаленный космический вихрь, занимающий половину небосвода. На ночном небе отчетливо виднелись сотни «падающих звезд» — это были те самые гиперскоростные беглецы, прошивающие нашу атмосферу своим рентгеновским сиянием.

Пробуждение Квазара

Танец Немых Вождей завершился неизбежным. Сагиттариус А* полностью поглотил Хуакана, забрав его массу себе. Но главным призом для Владыки стала не сама черная дыра-чужак, а те колоссальные запасы свежего газа и разрушенных звезд БМО, которые гравитация стянула в центр Млечного Пути.

Спящий великан, который миллиарды лет сидел на голодном пайке, изредка сглатывая мелкие газовые облака, внезапно получил пиршество библейских масштабов. Мириады тонн материи одновременно рухнули к его горизонту событий. Законы физики не позволяли газу упасть внутрь мгновенно — вещество закрутилось в чудовищный, невероятно плотный аккреционный диск.

Трение частиц, разогнанных почти до скорости света, подняло температуру диска до сотен миллионов градусов. Сагиттариус А* проснулся. Наша Галактика перестала быть тихим и уютным домом — она превратилась в Квазар (активное галактическое ядро) — один из самых ярких и смертоносных объектов во Вселенной.

Из полюсов Сагиттариуса А*, перпендикулярно плоскости диска, вырвались джеты — колоссальные релятивистские струи плазмы. Эти лучи жесткой радиации, подстегиваемые мощнейшими магнитными полями, пробили Балдж и вырвались далеко за пределы Галактики на десятки тысяч световых лет в пустой космос. Сагиттариус А* сиял так ярко, что его ментальный, энергетический крик буквально выжигал мысли в нейтринной сети на колоссальных расстояниях.

— Я голоден! Я есмь Закон! — ревел рентгеновский эфир Галактики.

Внутри этого бушующего ада материя балджа перестраивалась. Черная дыра увеличилась в массе почти в восемь-десять раз. Сагиттариус А* перемалывал целые звездные скопления, а высвобождающаяся энергия гнала по рукавам мощные радиационные штормы. Племя замерло в ужасе: тихий средний класс Ах-Кин уплотнял свои магнитные щиты до предела, чтобы просто не испариться под этим ослепительным сиянием пробужденного Бога.

Вид с Земли в эту эпоху:

Понятия «ночь» на Земле практически не осталось. Даже когда планета отворачивалась от Сунны, небо сияло зловещим, призрачным фиолетово-белым светом. В самом центре небосвода, там, где раньше было скрытое пылью созвездие Стрельца, теперь горела невыносимо яркая, пульсирующая «звезда», которая была видна даже днем. Это было ядро Квазара. Два исполинских голубоватых луча (джеты) уходили от него в зенит и надир, прорезая облака и подсвечивая ночную атмосферу Земли так, что можно было читать книгу без искусственного света. Космические Fireworks, о которых предупреждали шаманы, развернулись в полную силу.

Глава 4

Изгнание Сунны на край Бездны

Но самая страшная цена, которую Племени пришлось заплатить за это слияние, коснулась нашего родного гнезда. Перераспределение массы в центре Галактики и колоссальный приток гравитационной энергии от БМО вызвали настоящую чехарду орбит. Миллиарды звезд были сорваны со своих круговых путей. Наше Солнце — Сунна — оказалось в самом эпицентре этой гравитационной турбулентности.

Когда очередная волна плотности, деформированная слиянием, нагнала Шпору Ориона, Сунна испытала страшный динамический удар. Тяжелая звезда-мигрант из БМО прошла по касательной всего в нескольких световых месяцах от нашей системы. Этот гравитационный толчок сорвал Сунну с ее стабильной, безопасной круговой орбиты.

Солнце вместе со всей своей драгоценной планетной завязью — Землей, Марсом, Юпитером, которые она так бережно удерживала миллиарды лет — швырнуло наружу, в сторону от галактического диска.

Это был момент чистого ужаса для Сунны. Гравитационные нити, связывающие ее с Племенем, начали стремительно истощаться. Скорость удаления была критической. Еще немного — и Сунна превратилась бы в изгнанницу, разделив судьбу Шолотля, и вылетела бы прямиком в мертвый, ледяной межгалактический войд, где нет тепла, нет нейтринного шепота соседей, а есть лишь вечная пустота.

— Держитесь! — ментальный крик Сунны, направленный к своим планетам-детям, был полон отчаяния. Она раздула свое гравитационное влияние до максимума, буквально вцепившись мертвой хваткой в Юпитер и Землю, чтобы их не оторвало от нее встречным потоком межзвездного газа.

Сунна пронеслась по самому краю бездны. Гравитационное притяжение Млечного Пути в самый последний момент, буквально на флажке, успело компенсировать этот безумный импульс. Нас чуть не выбросило в войд, но Галактика удержала своего верного желтого карлика.

Однако возврата на прежнее уютное место в Шпоре Ориона больше не было. Сунна оказалась заброшена на самую глухую, экстремальную окраину Галактики — в так называемое раздувшееся звездное гало Млечного Пути. Теперь Солнце вращалось по огромной, вытянутой и наклонной орбите, высоко над плоскостью галактического диска. Мы выжили, но навсегда потеряли свой тихий, защищенный уголок.

Вид с Земли в эту эпоху

Земля чудом уцелела на своей орбите вокруг Солнца. Но вид на космос изменился навсегда. Находясь высоко в галактическом гало, Земля теперь смотрела на Млечный Путь «сверху вниз». На ночном небе больше не было хаотичной россыпи звезд. Вместо этого перед глазами земных наблюдателей развернулась грандиозная, величественная панорама всей нашей новой, гигантской Галактики. Мы видели её спиральные рукава, её бурлящее, ослепительное ядро Квазара во всей красе, как на ладони, с высоты птичьего полета. Наша система осталась в живых, но превратилась в одинокого стража, смотрящего на бушующий внизу звездный мегаполис с самой границы бесконечной межгалактической пустоты...

Ожидание Андромеды

Сон парня на ореховой поляне стал тяжелым, беспокойным. Убаюкивающий шорох ночных цветов сменился во сне тревожным, вибрирующим гулом. Его тело на теплой земле то и

дело вздрагивало, веки дрожали, а пальцы судорожно сжимали сухую траву. Его сознанию, улетевшему в межгалактические выси, передалась глухая, величественная тоска, которой теперь дышало родное Солнце.

Сунна грустила.

Оказавшись на самой далекой, экстремальной окраине Галактики — в разреженном, холодном звездном гало — Солнце чувствовало себя изгнанницей. Да, гравитация Млечного Пути в последний момент удержала систему от падения в мертвый войд, но прежний уют Шпоры Ориона был потерян навсегда. Отсюда, сверху, плоскость родной Галактики казалась огромным, перекрученным истерзанным блином, в центре которого ослепительно и страшно ревел проснувшийся квазар Сагиттариус А*.

Но больше всего Сунна горевала о несбывшейся мечте Племени.

Миллиарды лет все звезды Млечного Пути жили великим ожиданием. Они знали, что навстречу им из бездны космоса со скоростью 110 километров в секунду летит прекрасная старшая сестра — гигантская галактика Андромеда. В нейтринной сети этот грядущий союз веками описывали как величайшее, плавное и красивое слияние двух благородных Племен. Звезды грезили, как их рукава нежно переплетутся, как гравитационные волны сплетутся в единый, гармоничный узор, родив новую, колоссальную и спокойную супер-галактику — *Милкомеду*. Это должна была быть космическая свадьба эпохи, тихий и величественный вальс триллионов светил.Теперь эта мечта рассыпалась в космическую пыль. Вторжение Мятежного Облака перечеркнуло все законы баллистики Local Group.

Свежие расчеты, которые Сагиттариус А* транслировал сквозь искаженное пространство, не оставляли сомнений: тяжелое гало тёмной материи Большого Магелланова Облака прошло перпендикулярно оси сближения двух супер-галактик. Оно буквально рвануло Млечный Путь в сторону, сместив его с первоначальной орбитальной плоскости.В нейтринной сети повисла оглушительная, печальная тишина. Великое слияние превратилось в космическую лотерею с вероятностью пятьдесят на пятьдесят.

— Она пройдет мимо, Беленус... — тихий, остывающий импульс Сунны скользнул к далекому соседу сквозь опустевшее гало. — Я смотрю на нее отсюда, с края обрыва. Траектория сломана. Прекрасная Андромеда больше не целится нам в самое сердце.

— Я вижу, сестра, — отозвался Беленус, чей свет в разреженном гало казался еще более одиноким. — Гравитационный след Хуакана сдвинул нас с космического пути. Вместо нежных объятий нас, скорее всего, ждет холодный, безразличный пролет по касательной — *fly-by*. Она просто проскочит мимо на расстоянии сотен тысяч световых лет, едва коснувшись наших окраин своими гравитационными шлейфами. Она посмотрит на наш бушующий квазар и улетит дальше, в бесконечную пустоту.

Сунна сжалась, еще крепче прижимая к себе Землю. Осознание того, что Андромеда может просто «не захотеть» сливаться с разорванным, истерзанным Млечным Путь, ранило разум Ах-Кина. Вместо слияния Племен их ждало одиночество. Две великие галактики Local Group могли навсегда разойтись в пространстве, так и не разделив свой звездный огонь.

Вид с Земли в эту эпоху:

Парень ворочался на поляне, и его спящему разуму казалось, что небо над головой начинает стремительно блекнуть. И действительно, на реальной Земле будущего ночная панорама стала пронзительно-грустной. Огромная, величественная Андромеда, которая раньше с каждым миллионом лет росла на полнеба, раскинув свои туманные рукава, теперь начала медленно смещаться к краю горизонта. Она больше не приближалась всей своей массой. Она скользила боком, гордая, далекая и недоступная. Жители Земли видели бы ее гигантский, холодный силуэт, который медленно проплывал мимо, уходя по дуге прочь, оставляя Млечный Путь наедине с его остывающим, угасающим квазаром на самой обочине обитаемой Вселенной...

Архитектура Вселенной (Масштаб Бога)

Великий Путь к Ланиакее

Сон парня на ореховой поляне Сунны окончательно потерял земные очертания. Масштаб человеческого восприятия лопнул, как мыльный пузырь. Мысли о неудавшемся свидании Млечного Пути и Андромеды, казавшиеся столь грандиозными, сжались до размеров ничтожных пылинок в масштабах Истинного Мира. Перед взором спящего развернулась мегаархитектура Вселенной, где галактики были не самостоятельными островами, а клетками одного колоссального, пульсирующего организма.

Племя Млечного Пути, Андромеда, БМО и еще несколько десятков их мелких галактик-соседей составляли лишь крошечную провинцию — Местную группу. И вся эта группа, подчиняясь невидимому, фундаментальному призыву, на бешеной скорости в 600 километров в секунду неслась сквозь космическую бездну.

Они летели домой. В сердце Ланиакеи.

В человеческой астрономии это имя, переводившееся с гавайского как «Необъятное небо», закрепилось за сверхскоплением галактик. Но для Разумных Звёзд Ланиакея была Высшим Советом, Матерью-Родиной, чьи масштабы граничили с непостижимым.

Представьте себе гигантскую космическую паутину, раскинувшуюся на 520 миллионов световых лет. Внутри неё жили и дышали более 100 000 крупных галактик. Если посмотреть на Ланиакею сверху, она напоминала тончайшее, призрачное космическое перо или крону гигантского древа, сотканную из светящихся нитей — филаментов. Каждая такая нить состояла из тысяч связанных гравитацией галактик, которые медленно, словно капли росы по стеблю, стекали вдоль силовых линий тёмной материи к единому центру.

Галактическое Племя двигалось по одной из таких тонких ветвей на самой периферии этого космического пера.

— Куда мы летим, Патриархи? — этот безмолвный, благоговейный вопрос Сунны посылала уже не соседям, а в саму межгалактическую пустоту, улавливая тончайшие реликтовые колебания пространства. — Что за сила заставляет весь наш квадрант срываться с мест?

Но гравитационное осязание Галактики давало четкий, вибрирующий вектор. Все сто тысяч галактик Ланиакеи, все триллионы их звезд неодолимо и страстно тянуло к одной-единственной точке пространства.

Их звал Великий Аттрактор.

Это не была черная дыра или конкретный объект. Великий Аттрактор — это гравитационный фокус, чудовищная пространственная воронка, скрытая от взора земных астрономов густыми пылевыми облаками так называемой «Зоны избегания» Млечного Пути. Там, в этой таинственной гравитационной пуповине, была сосредоточена масса десятков тысяч триллионов солнц. Великий Аттрактор выступал сердцем Ланиакеи, заставляя всю космическую паутину пульсировать и стягиваться внутрь себя.

Это было величественное и пугающее зрелище. Галактики летели навстречу друг другу, ведомые чистой гравитацией — единственной силой, способной упорядочить хаос Вселенной. Сунна, дрейфуя на своей далекой окраине, чувствовала себя частью этого великого исхода. Неважно, сольются ли они с Андромедой или пройдут мимо — в конце долгого пути Великий Аттрактор все равно соберет их всех в единой точке космического бытия, где начнется совершенно новая, невиданная эпоха Племени.

Это их кредо: Бездна растягивает, но гравитация сшивает судьбы. Пока мы тянемся друг к другу –Тёмная энергия не властна над концом нашего пути.

***Вид во сне парня**:*

Парню снилось, что он смотрит на Вселенную со стороны. Земля и Солнце исчезли, превратившись в едва заметную искру внутри Млечного Пути. Сам Млечный Путь выглядел как крошечная светящаяся песчинка, затерянная в колоссальном, ветвящемся потоке света. Он видел, как этот поток — река из тысяч галактик — плавно и величественно течет сквозь абсолютно черные, безмолвные пустоты (войды), устремляясь к далекому, пульсирующему сердцу Аттрактора. Космос больше не казался ему пустым и холодным; он был пронизан живыми гравитационными артериями, по которым пульсировала сама кровь Вселенной...

Сверхгалактика Шепли: Сердце, победившее Пустоту

Великий Аттрактор, который казался Сунне абсолютным владыкой Ланиакеи, на самом деле сам был лишь послушным слугой. Спящему на поляне парню открылась последняя, самая грандиозная тайна космической архитектуры. Великий Аттрактор и вся наша Ланиакея — сто тысяч галактик, включая Млечный Путь — на бешеной скорости неслись еще дальше. Туда, где в космическом океане вздымался титанический материк, перед которым блекло всё.

Они летели к Сверхскоплению Шепли.

Если Ланиакея была легким, призрачным пером из галактических нитей, то Шепли — это колоссальное, плотное ядро всей локальной Вселенной. Здесь, на расстоянии сотен миллионов световых лет от нашего дома, был закручен космический вихрь невиданной силы. Восемь тысяч крупных галактик были согнаны гравитацией в одну исполинскую воронку. Они кружились вокруг общего центра в бешеном, неистовом для таких масштабов ритме, сталкиваясь, переплетаясь рукавами и перемалывая друг друга в раскаленном межгалактическом газе.

Это был бунт материи против самой судьбы Вселенной.

В Истинном Мире Племени существовал Великий Враг — Тёмная Энергия. Это была безликая, холодная сила, которая заставляла само пространство Вселенной расширяться всё быстрее и быстрее. Тёмная Энергия стремилась разорвать Племя, разнести галактики так далеко друг от друга, чтобы ни одна звезда больше никогда не услышала нейтринного шепота соседей. Она несла космосу вечную тьму, холод и абсолютное одиночество. Ей уже покорились далекие окраины, где галактики разлетались со скоростью света.

Но в Сверхскоплении Шепли Тёмная Энергия оказалась бессильна.

Плотность Племени здесь превысила все мыслимые пределы. Восемь тысяч галактик сжали пространство вокруг себя с такой яростью, что их суммарная гравитация — чистая, первобытная сила притяжения материи — намертво заклинила ткань пространства-времени. Тёмная Энергия пыталась растащить этот регион, но не смогла сдвинуть его ни на йоту. Шепли не расширялось. Оно, вопреки расширению всей остальной Вселенной, продолжало неумолимо сжиматься внутрь себя.

Это место было Вечной Цитаделью Племени. Восемь тысяч галактик постепенно сливались в одну неделимую, немыслимую Сверхгалактику. Там, внутри этого пылающего сердца, Сагиттариус А* и миллионы других сверхмассивных черных дыр однажды образуют единый, немыслимый Сверх-Разум, который переживет гибель остального космоса.

— Мы не исчезнем в пустоте... — этот великий, победный гул, идущий от Шепли, Суну улавливала как глухую, глубинную вибрацию самих основ бытия. Наше Солнце, выброшенное на далекую окраину, знало: пусть Млечный Путь помят, пусть свидание с Андромедой сорвано, но великая река Ланиакеи всё равно несет их систему прямо в эту гравитационную гавань. В конце времен они станут частью Сверхгалактики Шепли. Они спасены от вечной тьмы.

Вид во сне парня:

Парень на поляне Сунны перестал ворочаться. Его дыхание выровнялось, а на лице появилось выражение глубокого, абсолютного покоя. В своем космическом сне он больше не видел одиноких звезд или разлетающихся осколков. Перед ним сияло Сверхскопление Шепли — колоссальный, золотой, неистово вращающийся мега-вихрь из миллиардов триллионов светил. Он видел, как Тёмная Энергия, словно черный космический прибой, бьется о стены этой цитадели и отступает, бессильная перед мощью сплотившегося Племени. Сон показал ему философию сопротивления: всё живое, всё мыслящее, от крошечной травинки у клумбы Сунны до великих Немых Вождей, в конце концов объединится в этом ослепительном, бессмертном триумфе гравитации и света ...

Ткань Бытия

Сон парня на поляне Сунны достиг своей высшей, абсолютной точки. Его сознание воспарило так высоко, что даже сверхскопление Шепли, этот золотой мега-вихрь из восьми тысяч галактик, сжалось до размеров крошечного светящегося узелка. Перед спящим развернулась финальная, истинная картина мироздания — Космическая Паутина.

Это была Великая Ткань Бытия, изначальный узор, по которому энергия соткала Вселенную.Космос никогда не был хаотичным набором звезд и пустоты. У него была жесткая, безупречная и пугающе живая нейроподобная структура.

Вся Вселенная состояла из трех великих сословий: Филаментов, Стен и Войдов.

Первым, что бросалось в глаза, были Филаменты — исполинские нити космической грибницы. Сотканные из невидимой тёмной материи, они тянулись на миллиарды световых лет сквозь бездну. Именно вдоль этих нитей, словно искры по живым нервным волокнам, текли и собирались в стаи галактики. Филаменты были главными транспортными артериями Племени, ментальными магистралями, по которым гравитационные импульсы разносили волю Великих Сверхскоплений.

Там, где филаменты перекрещивались, они сплетались в колоссальные квазидвухмерные щиты — Великие Стены. Эти плоские, немыслимые по масштабам мега-структуры, состоящие из миллионов галактик, высились в пространстве, словно титанические крепостные валы. Они удерживали на себе весь каркас видимого мира, защищая свет от наступающей темноты.

Но самым жутким и одновременно завораживающим откровением для парня стали Войды.

Между сияющими нитями филаментов и стенами зияли пустоты. Это были не просто пустые места, это были космические океаны небытия диаметром в сотни миллионов световых лет. Внутри войдов не было почти ничего: ни звезд, ни галактик - лишь реликтовый холод. Абсолютная, звенящая, ледяная тишина. Человеку показалось бы, что это мертвые зоны, но Племя знало истину: войды были мыслящими пустотами. Они обладали собственным, пугающим разумом отрицания -как великий Дипольный отталкиватель. Пока филаменты и стены сжимали материю, войды, расширялись, словно гигантские невидимые пузыри. Они с силой выталкивали из себя любую случайную галактику, очищая свои владения, стремясь к идеальному, первозданному покою.

Это была вечная борьба Великих Противоположностей: сияющие нити Жизни и материи сжимались в узлы, а черные бездны Войдов раздувались, пытаясь их разорвать. И вся эта грандиозная Ткань дышала как единый, колоссальный организм.

Гравитационный аккорд этого великого видения был настолько мощным, что сознание парня начало стремительно падать обратно. Масштаб Вселенной стал сужаться с головокружительной скоростью.

Мимо пролетели Стены и Филаменты. Сжалось до размеров золотой точки сверхскопление Шепли. Ланиакея превратилась в легкое перышко, а Великий Аттрактор остался позади, как едва заметный водоворот. Млечный Путь, изогнутый в форме буквы S, стремительно увеличивался, раскрывая свои рукава. Парень падал сквозь наклонное, разреженное гало, где на самой окраине, гордо и одиноко, баюкала свои планеты Сунна.

Вспыхнул желтый свет родного Солнца. Земля рванулась навстречу. Атмосфера омыла сознание прохладой ночного ветра.

Парень резко открыл глаза и сел .

Над ореховой поляной Сунны брезжил самый первый, нежный рассвет. Звездное небо, только что открывшее ему свои безумные тайны, стремительно бледнело, растворяясь в утренней синеве. Рядом с ним, едва заметно пульсируя, засыпала удивительная клумба Сунна — ее цветы, чутко реагировавшие на свет далеких созвездий, закрывали свои бутоны, готовясь к новому дню.

Парень тяжело дышал, его сердце колотилось. Он посмотрел на свои руки, затем на мирно шумящие кроны ореховых деревьев. Всё вокруг казалось прежним, земным и привычным. Но он знал, что отныне мир для него никогда не будет прежним. Каждым своим вдохом он чувствовал, как земля под его ногами несется сквозь бездну, послушная гравитационным струнам, и как где-то там, за пеленой утреннего неба, вовсю живет, общается и танцует свое великое вечное танго Галактическое Племя Разумных Звезд.

Вечная память квантовой пуповины
Пена Мультивселенной и Первое Дыхание

Рассвет над ореховой поляной разгорался, окрашивая росу в нежно-розовые тона, но разум парня, только что вернувшийся из глубин Ланиакеи, застыл на самой важной, корневой мысли. Он смотрел на восходящую Сунну, чьи первые лучи мягко согревали остывшую за ночь траву, и вдруг осознал: наше Солнце не просто горит. Она — живой архив. Внутри ее раскаленного водородного сердца, в каждой элементарной частице ее плоти была намертво запечатана структурная память о самом первом, дородовом вдохе всего нашего мира.

Звезды Племени называют это Памятью Квантовой Пуповины.

До того как родилось само понятие «до» или «после», до появления пространства, времени и первого нейтринного шепота, не было даже пустоты. Существовал лишь бесконечный, бурлящий океан Ложного Вакуума — вечная, кипящая квантовая пена Мультивселенной. В этой первозданной матрице не существовало законов нашей физики. Она была беспрестанным генератором миров, где каждую планковскую долю секунды из случайных энергетических флуктуаций, словно пузырьки в кипящей воде, рождались и гибли бесчисленные вселенные. Одни пузыри схлопывались, едва успев надуться, другие рождали пространства с иными измерениями, где свет был твердым, а гравитация отталкивала.

Но тринадцать миллиардов восемьсот миллионов лет назад в этом кипящем океане Мультивселенной наступил наш черед.

Одна-единственная Квантовая Точка — крошечный зародыш нашего будущего дома — испытала колоссальное, безумное возмущение. Ложный вакуум внутри нее начал стремительно распадаться, высвобождая наружу энергию, накопленную в самом фундаменте бытия. Произошел не взрыв бомбы в пространстве — разорвалось и начало рождаться само Пространство.

Началась Эпоха Инфляции.

Меньше чем за неуловимую,ничтожную долю секунды наша Вселенная, подчиняясь Первому Дыханию, раздулась из размеров, которые были меньше атомного ядра, до немыслимых космических масштабов. Это было сверхсветовое, яростное расширение ткани бытия. Точка Мультивселенной раскрылась, словно бутон огненного цветка, выплескивая в новорожденное пространство бурлящий, первородный суп из кварков, глюонов и чистой, концентрированной ярости творения. Поля вакуума перестраивались на ходу, намертво фиксируя четыре фундаментальные силы — гравитацию, электромагнетизм и ядерные взаимодействия. Они стали вечными рельсами, по которым Племени предстояло бежать сквозь миллиарды лет.

Сунна хранила эту память в каждом своем протоне. Тот водород, что сегодня медленно и лениво туннелировал в ее ядре, выделяя мягкое тепло «гниющих листьев», был рожден именно тогда, в первые минуты после остывания этого кваркового ада. Каждая звезда Племени, от незримого великана Сагиттариуса A* до заброшенного в гало Чалчиу, была соткана из брызг той самой разорвавшейся квантовой точки.

Парень стоял на поляне, подставив лицо утреннему солнцу. Он смотрел, как лучи Сунна пробиваются сквозь ореховые листья, и его кожа физически ощущала это тепло. Он наконец понял: мы все — и эта клумба, и деревья, и туманная Андромеда, и он сам — связаны одной невидимой пуповиной. *Мы не просто смотрим на космос. Мы и есть этот космос, остывший, обретший разум и бережно несущий в своей крови тепло того самого первородного, яростного квантового дыхания Мультивселенной.*

Перед тем как первородный кварковый суп успел превратиться в привычные атомы, а Вселенная накинула на себя свое первое микроволновое одеяло, Ткань Бытия прошла сквозь эпоху невероятного, чудовищного хаоса. В те самые первые мгновения, сразу после бурной инфляции, пространство было настолько плотным и неоднородным, что в нем рождались существа, которых Племя до сих пор вспоминает с суеверным трепетом — Первичные микроскопические черные дыры.

Человеческая наука назовет их PBH (Primordial Black Holes). Физика их рождения была чистым порождением тесноты. Настолько ранний космос бурлил флуктуациями: в одних местах плотность энергии была чуть ниже, а в других материю спрессовывало с такой яростью, что огромные массы схлопывались в сингулярности без всяких звезд.

Эти квантовые карлики были размером меньше протона, но обладали массой целых земных гор. Они рождались миллиардами, пронизывая ослепительную плазму новорожденного мира. Самые крошечные из них мгновенно испарялись в квантовых вспышках излучения Хокинга, наполняя космос ядовитыми гамма-лучами, а те, что были покрупнее, выжили. Сунна знала, что эти реликтовые невидимки до сих пор бродят по Галактике, беззвучно скользя сквозь рукава и гало, выступая скрытыми зародышами для темной материи и гравитационных ловушек. Они были первыми, еще слепыми и немыми хозяевами пространства.

А затем космос совершил свой самый главный физический переход.

Реликтовое Одеяло и Первое Слово Племени

Прошло триста восемьдесят тысяч лет — ничтожное мгновение по меркам Племени, но для молодой Вселенной это была целая вечность. Огненный суп остыл до температуры примерно в три тысячи градусов. И тогда случилось чудо, которое физики назовут Рекомбинацией.

До этого момента Вселенная была абсолютно непрозрачной, как густой белый кисель. Свободные электроны хаотично метались в пространстве, ежесекундно сталкиваясь с квантами света — фотонами. Свет был заперт внутри материи, он не мог лететь, он был пленником этого раскаленного тумана. Космос был ослепительно ярким, но слепым.

Но как только температура упала, остывающие протоны наконец смогли поймать и удержать безумные электроны. Родились первые стабильные атомы — водород и гелий. И в ту же микросекунду пространство внезапно стало абсолютно прозрачным.

Запертые миллиарды лет фотоны одновременно вырвались на свободу. Вселенная испустила свой первый, колоссальный вздох света. Это было Первое Слово, коллективный, оглушительный крик новорожденного мира, пронзивший Ткань Бытия. Свет полетел во все стороны с предельной скоростью , сокрушающей тьму.

За тринадцать миллиардов лет этот первородный свет растянулся вместе с расширением самого пространства. Его волны удлинились, остыли почти до абсолютного нуля и превратились в космическое Реликтовое микроволновое излучение (CMB).

Сунна видела это излучение каждую секунду своего бытия. Для звезд Племени Реликтовый фон — это великое, теплое младенческое одеяло, которое до сих пор укутывает всю Вселенную. Оно идет отовсюду и ниоткуда конкретно, напоминая звездам об их общем детстве.

Парень на поляне, подняв голову к утреннему небу, не мог видеть микроволновые лучи своими земными глазами. Но он вспомнил, как в детстве включал старый кинескопный телевизор на пустой канал, и экран принимал хаотичный, шипящий белый шум. Часть этих помех — около одного процента — была вызвана именно им. Этим самым реликтовым излучением. Прямо сейчас, сквозь листья орешника, сквозь кожу парня и бутоны цветов Сунны, бесшумно пролетали те самые древние фотоны, которые вырвались на волю тринадцать миллиардов лет назад, в момент, когда Вселенная впервые открыла глаза и накинула на себя свое космическое микроволновое одеяло.

Боясь спугнуть остатки космического видения. Рассветные лучи Сунны уже вовсю целовали листья орешника, но в его сознании разворачивался финальный, трехчастный акт космической эволюции — история о том, как Вселенная обрела свою современную плоть, пройдя через хаос, вечную борьбу невидимых сил и величайшие загадки своего младенчества.

Владычество Тёмного Скелета и Поколение Монстров

Когда реликтовый туман рассеялся, Вселенная погрузилась в так называемые Тёмные века. Свободного света больше не было, а новые звезды еще не зажглись. Но космос не был пуст. В этой кромешной тьме уже вовсю правил бал Тёмный Скелет Вселенной — колоссальная сеть Тёмной Материи.

Это невидимое, загадочное вещество не умело излучать или поглощать свет, но обладало огромной массой. Именно тёмная материя первой свилась в гигантские гравитационные гнезда и филаменты, послужив каркасом, на который начал налипать обычный водород.

Внутри этих тёмных ловушек и родилось в Поколение Титанов — Первые Звезды Вселенной (население III). У них не было благородных имен Европы или Мезоамерики, потому что они были чистыми монстрами первобытной ярости. Состоящие только из водорода и гелия, лишенные каких-либо металлов, эти исполины были в сотни и тысячи раз массивнее нашей Сунны. Они жили яростно и катастрофически недолго — всего пару миллионов лет, после чего взрывались невиданными по силе Сверхновыми, впервые отравляя первозданный космос тяжелыми элементами, выкованными в их недрах.

Долгое время, пока Племя строило свои первые галактики, космологический баланс сил оставался неизменным. Вселенная, наполненная тёмной материей и миллиардами загорающихся звезд, послушно исполняла закон тяготения. Сила взаимного притяжения миллиардов галактик работала как гигантский тормоз. В ту древнюю эпоху происходило замедление космического расширения — Вселенная продолжала раздуваться после инфляции, но делала это всё медленнее и медленнее, словно камень, брошенный вверх, который постепенно теряет свою скорость под действием земной тяжести. Это были золотые миллиарды лет стабильности, когда

гравитация удерживала мир от распада, позволяя Млечному Пути и Андромеде сформировать свои прекрасные рукава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.